

Класс 1996 г.
24 мая г. Москва

школа № 1314

**Чернина Ирина Вячеславовна,
куратор**

Дорогой Валерии Александровне

1992 год. Первый раз в 8 класс... Вместе со своими учениками я впервые переступила порог Колледжа. Они такие разные!

Аркадий сразу обратил на себя внимание: маленький, взъерошенный, с очаровательной добродушной улыбкой, он никак не мог усидеть на месте. Оказалось, что это проблема – высидеть целую пару (1,5 урока). И тогда мы с ним решили, что, когда он устанет, мы будем прохаживаться по коридору, чтобы он передохнул и мог дальше работать. Он выходил из класса, мы делали пару проходов из конца в конец коридора, и он возвращался на урок. Ему это помогало сосредоточиться. Правда, ко второму полугодю в этих «прогулках» отпала необходимость, он постепенно привык к 1,5-часовым урокам, но это почему-то запомнилось...

Он удивительным образом умел расположить к себе. Почему-то сразу оказался в числе «любимых». Хотя это не педагогично, но я не скрывала своих симпатий. Он стремился быть везде, во всем участвовать, все ему было интересно. И самое главное: он не боялся задавать вопросы, он во всем хотел разобраться.

Мой любимый Заяц... Когда и почему я его так назвала – уже не помню. Но это сочетание стало для меня и для него привычным и родным уже тогда. И в классе его называли Зайцем. Говорят, что клички – это плохо, что у человека есть имя. Наверное, это правильно, но Аркашка не обижался на Зайца. В нем было что-то «белое и пушистое» в его отношении к людям, и это притягивало к нему, как магнитом.

1993 год. Первый серьезный поступок взрослого человека... Вы когда-нибудь пробовали в 14 лет объяснить взрослому учителю, что он не прав? А сделать это от имени всего класса у вас хватило бы мужества? Честно скажу: у меня бы не хватило... А Аркашка смог! Никто из сильных отличников не решился, только он – милый Заяц. Тогда я впервые поняла, что *этот человек не предаст в трудную минуту, что он готов быть опорой.*

1994 – 1995 годы. Запомнились многими походами. Насыщенное лето – первые пробы байдарок. Первые неудачи и огромное желание – научиться управлять этой лодкой! Уже тогда в походах проявилось ценнейшее качество Аркашки – он вставал раньше всех и разводил костер... Кто ходил в поход, тот знает, как трудно утром вылезать из теплого спальника, выходить из палатки по росе. И тем дороже то тепло, которое дает костер, разведенный Другом. *Заяц всегда готов был поделиться теплом:* накинёт на плечи свою курточку... скажет пару теплых слов в трудную минуту... просто улыбнется...

1996 год. Выпускной класс... Помню ощущение того, что мне нечего делать на работе... Если не считать бумажной писанины, то как куратор я почти ничего не делала. Ребята были взрослыми, знали, что и как надо делать, им был не нужен куратор! И я очень отчетливо помню, как мне страшно было от одной мысли, что наступит день расставания, и больше я их не увижу, они уйдут...

В 11 классе был «свободный день», когда не было уроков в расписании, но когда ребята могли приехать в гости ко мне домой и попить чаю на кухне... Вот тут то и происходила основная работа, как я теперь понимаю. Эти «*Кураторские пятницы*» были расписаны далеко вперед. Приезжали группами и по одному, но обязательно с каким-то «больным» вопросом. Заяц был готов жить на кухне в Перово! Ему все было интересно и важно, но он тактично спрашивал всегда, а не будет ли он лишним при разговоре (особенно если предполагался разговор на двоих). Тогда он просто приезжал позднее, когда было можно. И его первым вопросом всегда был: «Ну, как тут у Вас дела? Может, помочь надо?»

Самым грустным праздником был выпускной вечер... *Если тебе кто-то дорог, то ты боишься его потерять.* Я не знаю, как так получилось, но я боялась их всех потерять! Они стали родными. Хотя понимала (умом), что у них начинается новый этап в жизни, не менее интересный, что у них появятся новые друзья, что постепенно они уйдут... Но так не хотелось их отпускать!

Все лето, пока они сдавали экзамены, я была «привязана» к телефону: ждала оценок и итогов зачисления. Особенно переживала за мальчишек: им грозила армия. И вот лето заканчивается, все 19 гениев стали студентами, подтвердив свою гениальность. Это был самый лучший подарок Куратору.

Август... Лефортово... Стадион... Мы с Ириной Евгеньевной стреляем и никого не ожидаем увидеть. Вдруг появляется Аркадий, радостно улыбающийся и явно чего-то замышляющий. Он торжественным голосом объявляет, что ему надоело отсутствие у

куратора Дня Рождения и он назначает его на сегодня! По этому поводу он дарит мне в подарок очаровательного мышонка с сердечком и предлагает отметить этот день. Восторженный писк двух Ирин, сбор вещей, и тут... Приезжает Андрей на своем «Запорожце», чтобы отвезти нас домой. Это уже просто из области фантастики: мы всей компанией едем в Перово и устраиваем Настоящий Праздник! *Это было 20 августа...* С тех пор у меня вновь есть *день рождения, который приносит мне радость*. И это только благодаря Зайцу.

31 августа, накануне нового учебного года. Когда в классе все было прибрано и вымыто к 1 сентября, вдруг слезы навернулись на глаза: как же так, я завтра приду в класс и не увижу улыбающегося Зайца? Я не знаю, как такое может быть! Я не хочу этого!!!

1 сентября 1996 года, 8 часов 30 минут утра. Я с кислой миной прихожу в колледж, резиново улыбаюсь встречным, поднимаюсь на 4 этаж, захожу в класс и... **НА ПЕРВОЙ ПАРТЕ СИДИТ ЗАЯЦ С ОГРОМНЫМ БУКЕТОМ ЦВЕТОВ И УЛЫБАЕТСЯ!!!**

Он умел дарить людям праздники... Он их творил из будней легко и от чистого сердца, поэтому они всегда получались светлыми и радостными.

После Колледжа

Они не ушли! Они остались со мной, делясь своими радостями и печалью. Они помогали мне растить следующий класс! Особенно эти слова относятся к «любимой троице» — Аркадию, Андрею и Косте. Постепенно из выпускников они стали моими настоящими Друзьями. Они всегда были вместе со мной в трудную минуту. И здесь невозможно выделить кого-то одного: это была неделимая троица. Они дополняли друг друга так, что казались единым целым организмом. И если вдруг почему-то кого-то не было, то его отсутствие ощущалось очень остро. Тяжело было нам всем, когда Костя был в армии. И каждое его увольнение было для нас праздником.

Но при этом каждый из них был самостоятельной Личностью.

У Аркашки было удивительно развито «*видение другого человека*». Ему не надо было объяснять, что мне сейчас тяжело. Он видел это даже тогда, когда я старалась скрыть свою слабость от посторонних глаз. Как-то незаметно он оказывался рядом и делал то, что в данный момент было необходимо. И потом так же незаметно исчезал, как будто ничего не произошло. Ему можно было поручить самые деликатные просьбы, понимая, что он интуитивно сделает все так, как надо, и лучше других.

Заяц стал не только моим другом, но и другом моей семьи. Он после института забирал Ольгу из школы на Курской и отвозил ее домой в Перово в дни, когда я дежурила по Колледжу и не могла этого сделать сама. Согласитесь, не всякий на такое пойдет. Так у него появился свой ключ от нашей квартиры. И я была спокойна, зная, что с дочерью все будет в порядке. Если надо было копать картошку — Заяц готов помочь; надо собирать яблоки — и тут тоже он с рюкзаком и сумками.

Этой осенью, когда я с нынешним классом задумывала традиционный поход на пару дней по Подмоскovie и задала вопрос «Кто пойдет в лес?», то услышала от Настюшки встречный вопрос: «А Заяц пойдет? Тогда я тоже пойду!» Мы не пошли в поход из-за лесных пожаров. Но оказалось, что Аркадий любим и дорог в моем нынешнем классе, несмотря на уже заметную разницу в возрасте. Его продолжали волновать вопросы, связанные с жизнью Колледжа, он хотел сохранить тот Дух Колледжа, в котором вырос сам. Он вряд ли осознавал, что Дух Колледжа жил в тех людях, которые тогда работали. Но он сам настолько им «пропитался», что теперь этот Дух жил в нем самом. Вокруг него всегда было тепло и светло. Когда Заяц приходил в Колледж и, улыбаясь, проходил по коридору, то у многих поднималось настроение.

...Когда мы сидели в зале ДК, то не было страшно, потому что мы были вместе. Заяц как всегда шутил и старался поддержать народ. Было очевидно, что все очень серьезно. И я думала, что если суждено нам здесь закончить свой земной путь, то *мы уйдем из жизни все вместе*. Это было страшно, но спорить с судьбой не в наших силах. А если все благополучно закончится, то *мы все вместе выберемся отсюда* и будем лишь вспоминать этот кошмарный сон.

Но судьба распорядилась иначе... так, как я себе не могла представить в самом ужасном кошмаре...

ПО-ЧЕ-МУ??? ЗА ЧТО???

Как сказали мне в монастыре: он оказался самым достойным из нас всех, раз Господь призвал его. А нам надо пересмотреть свою жизнь, чтобы тоже быть достойными. И этот кошмар — нам знак того, что мы еще не сделали того главного, что должны сделать в этой жизни...

ПОЛИНА ВОЛКОВА,

9 класс

Я его видела всего один раз, но даже за это короткое время Аркадий произвел на меня очень хорошее впечатление. Мне он показался очень добрым, веселым человеком...

Всего не запишешь. Могу сказать одно: очень приятный и обаятельный человек.

ВАЛЯ КУРНЕШОВА,

9 класс

Я почти не знала Аркашу, но мои друзья очень хорошо о нем отзывались и много рассказывали про Аркашу, Особенно после захвата заложников на Дуб-ровке. Мне очень хорошо запомнилось, как он относился к ЧИВ, все время хо-дил в походы, даже после того, как выпустился из Колледжа, навещая ее почти каждый день. Был готов любому помочь.

НАТАША ВЕСЕЛОВСКАЯ,

9 класс

Я Аркадия знаю не очень хорошо, но когда я увидела первый раз этого человека, то у меня возникло очень необычное впечатление. Это очень жизнерадостный человек, насколько я его помнила: столько улыбок возникало на лицах людей, в которых он общался. С ним всегда было о чем поговорить, он умел помогать в трудную минуту. Об этом человеке невозможно говорить плохо, он настолько был хорошим человеком, настолько было приятно с ним общаться, что описать его замечательный характер не хватает слов.

ЖЕНЯ НИКИТИН,

9 класс

Этот человек, Аркадий, был неординарным человеком. Он нес хорошую традицию, к нему можно было всегда подойти и попросить любой помощи. Он не только поможет, но у него можно было узнать очень многое – Аркадий знал все! Он был любимым человеком в Колледже и в обществе. С Аркадием можно было говорить всегда, и не переставая, не уставая, потому что было очень интересно. Когда он ушел из жизни, никто не верил в это. Как такой человек может покинуть нас? В Колледже без него очень грустно, не хватает его шуток, его рассуждений, его рассказов и вообще самого Аркадия. Он только своим присутствием радовал всех.

Аркадий – это тот человек, которому всегда можно было доверять и положиться на него.

НАСТЯ ФРОЛОВА,

9 класс

Аркаша!

Какой же он был добрый! На его устах всегда была улыбка. Своим приходом он приносил радость, поднимал настроение! Об этом Зайчике можно говорить только самое хорошее.

Таких солнечных, добрых, умных и вежливых людей бывает мало, и каждой минутой, проведенной с ним, нужно дорожить и не забывать.

Я помню о нем все самое хорошее!

Аркадий...

Это такой человек, с появлением которого всегда на душе становилось тепло! Он всегда был как солнышко, и когда было кому-то грустно, с появлением этого человека все грусти и невзгоды тотчас исчезали...

Заяц... Все его так звали... Помню, он как-то зашел в наш класс, и я начала его мелом обмазывать, мол, пушистый ты и так есть, а белым сейчас станешь! Хотя в душе он всегда был белым и пушистым.

Ирина Вячеславовна часто его вспоминает, и потом как-то рассказывала мне такую историю:

«После того как выпустился класс Аркадия, она очень боялась брать под свое кураторское крыло пятакчиков (учеников пятого класса). И как-то она пожаловалась Аркадию: «Ну как же так – прихожу в класс, а ты не сидишь за первой партой и не улыбаешься мне!»

Первого сентября заходит ЧИВ в свой новый класс... на первой парте сидит Заяц и улыбается!!!»

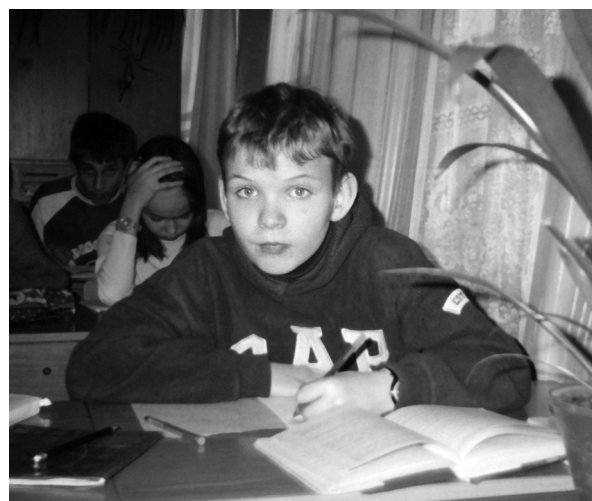
ЛАДА СЁМИНА,**9 класс**

Аркаша был очень добрым человеком. Всегда был готов помочь. Помню, у нас была одна сценка ко Дню учителя, и мы никак не могли придумать, по ка-кой причине уйти со сцены (у нас была такая задумка). И вот как раз перед вы-ступлением на праздник пришел Аркаша. На репетициях он увидел наше за-труднение и дал свой мобильник. Тогда мобильных телефонов почти ни у кого не было, и они были большой ценностью. Он пожертвовал своим мобильным ради общего веселья. Он дал его детям. Я думаю, что так не сделал бы никто другой. Но Аркаша ценил людей, ценил их улыбки.. Аркаша поставил телефон на функцию воспроизведения звонка при нажатии кнопки, но ребята взяли мо-бильник, т. к. им было интересно, и что-то сбили. В общем, телефон не срабо-тал. Я думала, что он будет злиться, что телефоном играли и что-то сбили, но я его плохо знала. Он не только не нарутал, но и извинился, хотя он не был вино-ват.

Такие светлые люди встречаются очень редко. И я счастлива, что в своей жизни встретила одного такого.

ГЛЕБ ШАРАПОВ,**9 класс**

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так, исходу нет.
Умрешь, начнешь опять сначала,
И повторится все как встарь.
Ночь ледяная, рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

*Аркадий был очень веселым и добрым мальчиком.
Он участвовал во многих походах.
Его жизнь была веселая штука.
Не мы выбираем, кого убьют и кого не убьют.*

В память Аркадию Герасимову

Паша Квартальнов, выпускник 1996 года

За стеной Святогорского монастыря, хранящего столько исторических воспоминаний, стоит деревянный сарайчик. Там мы с Аркадием и Пашей Корниенко складывали в поленницу дрова, наколотые для монастырских нужд, — в январе 1995 года. Сарайчик стоит на взгорье, и мы завозили туда дрова на каких-то волокушах. В сарайчике было две поленницы — по разным сторонам от входа. Одна постепенно уменьшалась — в ней хранились давно наколотые, уже высохшие дрова. Другая, по мере наших с Аркадием стараний, постепенно вырастала. Дрова были березовые, сладко пахнущие, с толстой, черной в основании, примерзшей корой. Чем дальше мы их складывали, тем больше понимали индивидуальность каждого полена. Особый норов у полена проявлялся в том, как оно может ужиться рядом с другими и таит, или нет, желание упасть сверху кому-нибудь на голову, увлекая вместе с собой более мирных собратьев. Поленницу мы делали высокую, до крыши, и, чтобы достроить до конца задний ряд, нужно было начать укладывать следующий, затем взобраться на него и добавить себе таким образом полметра или метр роста. Чаще всего верхом на поленнице оказывался Заяц. Мы с Пашей выбирали для него поленья, проверяя, как они подходят к уложенным ранее, и подавали наверх. Аркадий наверху творил архитектуру. Временами буйное полено все-таки оказывалось заложенным в возведенную стену. В самый неожиданный момент оно издавало неслышимый боевой клич, и все сооружение, как ледяной айсберг, с грохотом рушилось. Мы все едва успевали отскакивать в стороны, прячась по разным углам сарайчика. Страх перед деревянной лавиной мы не очень преувеличивали. Однажды долговязый послушник зашел в наш сарайчик за дровами для печки. Как-то неудачно подступил он к поленнице. Та стронулась, и мы, возвращаясь с обеда, были свидетелями, как послушник вылетел из дверей сарайчика и полетел в снег, веером разбрасывая уже набранные им дрова. Чтобы успокоить поленницу, мы сочиняли и распевали песенки. Песенки были такие:

*Все выше, и выше, и выше
Поднимем Аркадия мы,
И вот он уже выше крыши,
Не видно его головы....
(Пам-пам!)*

И такие:

*Лежит динамит под дровами,
Но спички трясутся в руках:
Проходит секунда,
Аркадий взлетает —
И вот он парит в облаках...*

Я вспоминаю этот дровяной сарайчик, ибо это был один из периодов нашего с Аркадием полного душевного согласия — то есть мы одинаково чувствовали мир, в головах у нас были одинаковые — общие для нас с ним мысли. К счастью, таких моментов было много.

Вот еще один, имеющий для меня особенно важное значение.

В сентябре 1994 года нас после уроков повезли в священное место. Место находилось рядом с древним Радонежем, и происходить там должно было Посвящение. Мы должны были осознать смысл Колледжа, и много гораздо более важных для нас вещей. Ночью, у костра, с факелом в руке, каждый говорил другим, чем для него стал Колледж. Я не помню, кто о чем говорил. В сущности, важным оказалось другое. Еще не дойдя до места (а мы долго шли через леса и поля пешком), мы почувствовали нашу сродненность друг с другом. И только поэтому стало возможным рассказать у костра другим все самое свое сокровенное. Не столько тепло костра, сколько душевное тепло стоящих рядом людей согревало нас в ясную сентябрьскую ночь. После того, как священная часть закончилась, уже под утро, мы бежали по мокрому лугу, пытаясь как можно глубже заблудиться в густом тумане. Набегавшись, мы с Аркадием лежали на лугу и разглядывали звезды. Знания о карте звездного неба у нас были самые неопределенные, и приходилось самим придумывать созвездиям названия. С той поры самым знакомым на всем небе для меня является созвездие, похожее на лисенка. Как оно называется на самом деле, я до сих пор не знаю.

Той же осенью я сочинил стихотворение о Посвящении. Ирина Иосифовна организовывала занятия, где мы читали написанное нами. Я прочел перед классом стихотворение. Когда я закончил, Аркадий сказал: “Все так и было”. Это было высшей оценкой — и похвалой, на которую я не рассчитывал. Потому что у меня там небо сходило с землей, исчезали исторические границы и вообще черти-что творилось. Я

понял, что ничего не соврал, а написал так, как нужно.

Вот это стихотворение:

Посвящение Аркадию

*Там, где крики совы раздаются близ дачных окраин,
Там, где Сергей не раз за грибами, быть может, ходил,
Там стоим мы в ночи, и горит ритуальное пламя,
Освещая того, кто себя для других приоткрыл.*

*А внизу Млечный Путь породнился с обычным туманом,
И в ночной темноте воедино все в мире слилось —
И вот-вот он придет, тот монах, так душой долгожданный,
В чьих смиренных речах к пастуху обратился Господь.*

*Пусть осветит всю жизнь нам сегодня огонь ритуальный,
Пусть гитарные звуки вовеки не стихнут в ночи, —
Мы стоим вокруг костра, и до звезд поднимается пламя,
И с священных небес к нам на землю звезда прилетит.*

Здесь почти нет рифмы — зато ничего не наврано. Все так и было. И все это останется со мной, как всегда со мной будет Аркадий. Иначе быть не может — я живу в его мире — добром, светлом и радостном.

**Женя Пахомов,
выпускник 1996 года**

Вспоминаю Аркашу — вот он что-то отвечает на уроке — выглядит очень повзрослому серьезно и сосредоточенно, что меня каждый раз удивляет, как удивляет и каждый раз непривычный вид его в костюме вместо привычного пятнистого походного одеяния. Вот он смеется — и смех его, хоть и не несущий за собой изысканный шлейф философского смысла (а именно это я тогда искал повсюду), все же проникает в меня. Проникает и приобщает, причащает к колледжской жизни, помогая мне проникнуться этой жизнью.

Аркадий умудрялся как-то излучать жизнь, облучать ею людей, события и даже предметы вокруг себя — с ним было легко общаться и всегда хотелось сделать что-то в ответ. Помню, он учил меня, как ловить машину автостопом (как-то получилось, что он довольно поздно приехал ко мне в гости, я проводил его до Академической, и оттуда Заяц добирался домой) — и открывал для меня Новый Свет. Или когда в обмен на книжку Щедровицкого он с серьезным видом притащил мне путешествия какого-то буддиста в художественном стиле — сперва я косился на них с подозрением, но по прошествии какого-то времени прочитал и прочитал с интересом и удовольствием.

Важным для меня было то, что Аркаша умел улыбаться окружающему миру, какой бы он ни был. Не насмехаться над ним и не усмехаться ему, а именно улыбаться. Может быть, зернышко этого умения он заронил и в меня — надеюсь, ко времени оно прорастет.

**Артем Крылов,
выпускник 1996 года**

ТЕБЕ, АРКАША!

Впервые я увидел тебя на нашей первой игре по приему в восьмой класс. Мы все были такие скромные и говорили мало, один ты мгновенно и интересно реагировал на все вопросы. Мы тогда разбирали рассказ Чехова о Подтыкине. Были солнечные сентябрьские дни. Тогда же я в первый раз увидел Ирину Вячеславовну. А ты помнишь, как мы праздновали твой день рождения у тебя дома? Пришел Костя, Алена, Кирилл, Ольга и еще кто-то. Было так тихо, уютно.

Ты о нас так позаботился. А ты помнишь Д. Б.? Ты помнишь наше Посвящение? Я знаю, что ты помнишь. Зажгли костер, зажгли факелы, встали в круг и стали говорить. Начал сам Д. Б., понятно. Потом еще кто-то. Когда дошло дело до самих колледжутов, т.е. до нас, то надо было и нам что-то сказать. И кто же начал? Конечно, ты, Аркаша. Это был ты. И ты был единственный, кто не просто что-то произнес там, но произнес это настолько прочувственно... Ты заплакал там, держа факел в руке, помнишь? И ты был, по-моему, единственный, кто заплакал. Ты говорил про нашего дорогого куратора. Ты говорил, как мы должны ценить ЧИВ. Такой, как она, мы больше никогда и нигде не встретим. Вообще у нас не будет больше никогда и нигде в нашей короткой здешней жизни тех минут, тех лиц и тех слов, которые были в тот момент и вообще в то время, пока мы были с тобой в Колледже и после Колледжа. Один из последних случаев, когда я увидел тебя, был тот, когда ты зашел в Колледж на урок литературы. «Ну как? Где ты, что ты?» — спросил ты. «Да там-то, там-то. А ты?» — «А я там-то». Ты всегда был такой веселый. Общительный. Умный. Отзывчивый. Добрый. Чуткий. Готовый в чем-то ущемить себя ради того, чтобы другому было хорошо.

Но самое интересное знаешь что? То, что ты никуда от нас делся и не ушел. Ты никуда и не мог уйти. Ты с нами, как и прежде. Я говорю совершенно серьезно. Ты с нами не просто «в нашей памяти» или как-то еще. Ты с нами реально, на самом деле. Я с тобой могу поговорить. Я с тобой и говорю сейчас. Я буду молиться за тебя. Чтобы тебе было очень хорошо и нам было очень хорошо с тобой, надо молиться. Надо

приходить в храм, в храм Христа Спасителя (именно Христа Спасителя!), и молиться каждый день. Не обращать ни на кого внимания, ни на замечания, ни на суету. Встать в спокойном месте и молиться. Каждый день. Ты никуда от нас не ушел. Ты и не мог уйти.

Я стою сейчас на одном из мостов через МКАД в Ясенево. Уже вечер, около шести часов. Я вижу перед собой величественное заходящее солнце. Я чувствую спокойствие и тишину. Оно медленно уходит за горизонт вдали. Это величественное, торжественное, всепоглощающее и все принимающее заходящее солнце. Аркаша, а ты знаешь, что любовь все покрывает, всему верит, ВСЕГДА НАДЕЕТСЯ, все переносит. Любовь никогда не прекращается. Ты знаешь. Я это чувствую. Аркаша, мы любим тебя. Ты помни, что мы всегда будем вместе. Раз уж мы встретились уже около 10 лет назад, то мы уже не будем расставаться. Мы всегда будем вместе. Ты слышишь? Да, ты слышишь!

Алена Нефедова,
выпускница 2000 года

Заяц... Никогда не называла его Аркашей, он для меня — Заяц.

Много у нас чего было интересного. В основном это совместные походы и праздники. Но есть одна особенная история, которая показывает, какой Зайчик отзывчивый, добрый, хотя таких историй немало...

Несколько лет назад я делала в своей комнате ремонт. Много народу мне помогало в этом нелегком деле, и одним из главных помощников был Заяц. Я сама не очень помню подробностей происходившего, но зато помнит мой папа.

Он мне рассказал, что Заяц тогда его очень сильно удивил своей готовностью выполнять любую просьбу, помогать буквально во всем. И случилось даже так, что Заяц поехал вместе с моим папой, вдвоем, видя его чуть ли не первый раз в жизни, на дачу — отвезить диван, чтобы освободить комнату. В общем, дела благодаря Зайцу сделались намного быстрее. Вот такой Заяц! Мой папа до сих пор помнит то впечатление о нем.

Подобных ситуаций потом было еще много, и везде Заяц искренне, от всей души был готов помогать — буквально всем и каждому.

Дорогая Валерия Александровна! У Вас замечательный сын! Только вот мало ему было отмерено времени в этой жизни... Но ничего! Ведь не то важно, сколько человек проживет, главное — КАК... Каким он запомнится окружающим его людям, жил ли он в Любви или как-то иначе. Зайца все помнят как самого отзывчивого и доброго, веселого. Его очень любят, потому что он любил. Его просто ПОМНЯТ!!!

Эта Любовь останется, она будет с Вами.

Дай Вам Бог сил и здоровья.

Калашников Иван, выпускник 1998 года

... Аркадий, на мой взгляд, кроме присущей ему веселости и жизненной энергии, был наделен некой умиротворенностью и спокойствием. Самое яркое и приятное впечатление — Аркаша в шапке Деда мороза в Колледже на Новый год, добрый и спокойный, и словно формирующий умиротворенную обстановку вокруг себя...

Коновалова Екатерина, выпускница 1993 года

2002 год. Ранний март.

У меня — приглашенные в театр. Нужно собирать команду. Кто-то не может, кто-то не хочет, кто-то хочет.

Зову Аркадия — согласился! На следующий день идем.

Время без десяти спектакль. Жду у входа. Тепло-то тепло, но все-таки март не май! И вот... Идет! Нет! Летит! Пальто нараспашку, улыбается — все отлично!

Ну, со спектаклем я, конечно, удружила. Спектакль, конечно, современный, непростой, но... Зато есть что обсудить после него — хороший повод зайти в кофейню на Тверской.

Все как всегда. Хронические спорщики пламенно спорят. Более спокойные и дружелюбные — внимают и периодически сообщают свои ценные мысли. Среди них и Аркадий.

Кстати, всегда поражаюсь таким людям, поскольку сама стремлюсь сразу высказать свое! свое! свое! и чтобы все согласились! А тут нет. Как так? Наверное, просто им хочется, чтобы ВСЕМ БЫЛО ХОРОШО. ВСЕГДА.

Что еще помню? Замечательный вечер, замечательный разговор, замечательная компания.

И обещание, которое я взяла с Аркадия — в следующий раз приглашает он.

Решетов Владимир, выпускник 1997 года

Аркадий всегда оставлял у меня хорошее впечатление. И хотя мы общались мало, я всегда рад был его видеть. Ему всегда было можно сказать о чем-то личном. А не только близкое: «Как дела?».

Краснова Лена, выпускница 2000 года

Аркадий?

Сначала я не знала его лично. Но это такой человек, с которым не нужно знакомится. Привыкать и что-то о нем узнавать. Я увидела его и не заметила, как это вышло, но как будто мы уже общались целую вечность.

Заяц, Солнце?

Ближе я узнала его уже позже. Уже после того, как он закончил учиться и нашел где работать. Он еще пришел тогда, такой солидный, в пиджаке, в пальто... Он теперь совсем как взрослый, работает. Я испугалась: вдруг с изменившимся стилем одежды он и сам поменялся? Но нет, он остался таким же, и таким его полюбили его сослуживцы, не смогли поменять его.

Аркаша?

Именно со мной он первый раз ходил на "Норд-Ост". И нам так понравилось! Так красиво, такой замечательный вечер.

Как же было — потом — страшно... Как жутко.

Но мы прошли через это. Этого не может быть, ведь он всегда, всегда с нами. Очень многим людям он помогал, был готов сделать все, чтобы человеку стало лучше... Мы должны

жить дальше, ведь он так хотел, чтобы у всех все было хорошо.

Вот уже, кажется, прошло все, но звонит Алена Нефедова и говорит, что ЧИВ нужна помощь. Тексты всех знакомых, и не совсем знакомых людей, куча фотографий, листочки с рукописными текстами, боже... Не думала, что будет так тяжело... Просидев в колледже с Женей Морозом подня, мы не сделали и половины, а дома, когда одна... Все эти люди... Как же их много, как все они его любят! Извините их и меня за возможные глупые ошибки. Тяжело писать... В сотый раз преодолевая желание заплакать, стараюсь улыбнуться. Ведь он так любил, когда люди вокруг улыбаются, и всегда улыбался сам.

Полина Пятилеткина, выпускница 1996 года

С Зайчиком (по-другому теперь даже и не могу его называть) мы стали близко общаться после того, как ездили в Анапу после 9-го класса на игру. После этого мы с Ольгой каждый год ходили к нему на День рождения, и в июле каждого года, я знала точно, есть огромное событие, которого я (думаю, не только я) ждала с нетерпением. Зайчик умел собрать вокруг себя людей, которым (хоть они и были все разные) всегда было о чем поговорить. И за столько лет общения друг с другом (а мы знаем друг друга уже 10 лет!) у нас не потерялся тот самый первоначальный интерес к общению. Во многом это — благодаря Зайчику, который умел всех собрать, и, что самое главное, к нему все ходили с огромной радостью.

Когда я вернулась из командировки, то первым, кто мне позвонил буквально на следующий же день, был Зайчик. У меня тогда был очень тяжелый период адаптации от жизни той к жизни этой. И после долгого разговора с ним я ощутила, что я все-таки не выпала из нашей московской жизни.

В заключение хочу сказать, что редкий человек может собирать вокруг себя только лучшее, доставлять окружающим только положительные эмоции и радость общения с ним. Звучит все это, конечно, далеко не оригинально, но таким быть сможет не каждый. А Зайчик был таким по природе.

**Илья Зенин,
выпускник 2001 года**

Пустота... через несколько минут сквозь вязкую тишину проступает картина... «Ты устал в походе?» – «Устал. Но я обязательно еще раз приду в эти горы! Я хочу вновь увидеть Эльбрус, он тронул меня»...

Гудки, короткие гудки... вновь набираю номер: «Герасимов?.. Аркадий?.. Это что ли тот, который потерялся в этой суматохе?.. Сейчас найдем» – слышу бодрый женский голос из трубки. Проходит минута напряженного молчания: «Нет такого...» – «А-а?..» – «Нет и все тут»... Короткие гудки бьются в ритм сердца – это была предпоследняя больница... Бросил трубку – я знаю, какой ответ будет в следующей...

«Нет, нет, нет, – в голове мечутся мысли, – не бывает так... потому что не бывает!»

...Два цветка, фотография и надпись: «Наш Выпускник... Он был ТАМ...»

Сердце екнуло... Промелькнуло: «Аркаяц, прости»... Вдруг услышал: «Да чего уж там...»

Теперь мы другие...

Он пошел на «Норд-Ост» второй раз... Эльбрус второй раз он не увидел...

**Ира Евтушенко (Изотова),
выпускница 1998 года**

Видела я его не очень часто, но каждый раз, когда встречала, всегда Аркаша улыбался, смеялся. На нашем “Последнем звонке” он вместе со всеми поехал гулять по Москве, и было очень весело! Он мне всегда напоминал этакое добродушного зайца с добрыми глазами.

**Калтышкина Анна,
выпускница 2000 года**

Я все помню.

Когда кто-то уходит, остается неизвестность. Что делать дальше, как дальше жить, почему так случилось?.. И я не хочу думать в прошедшем времени.

Я не могу поверить в то, что случилось. Это не укладывается в голове. И теперь — неизвестность.

Я до сих пор живу так, словно ничего не произошло. Я не могу подумать: «Он был...». Так нельзя... Все путается.

Я все помню.

И то, какие у него глаза, какие руки, как он умел смеяться. Но у меня это осталось, этого никто не отнимет. И я могу этим поделиться!

Мы все что-то потеряли, но еще больше у нас осталось. И это главное.

Хочется немного помолчать. Так понятней.

Я все помню.

Все.

**Олег Тесленко,
выпускник 2002 года**

Когда я впервые увидел Аркашу, мне сразу запомнилось его лицо. Это было лицо никогда не унывающего человека. И он действительно был таким. Таким я его помню: веселым, общительным, всегда готовым помочь...

**Наташа Васильева,
выпускница 2000 года**

Про Зайца

Я так долго собиралась... И вот теперь не знаю, что написать... Как я могу писать “в прошлом” о человеке, который существует для меня до сих пор? Поэтому пусть простят меня все, кто считает, что я не права, я буду писать в настоящем!

Прежде всего, Аркадий для меня вовсе не Аркадий, а ЗАЯЦ! Он из тех людей, которые могут приехать в гости просто после звонка с вопросом: «А можно, я приеду?». Как правило, я не вижу оснований сказать ему «нет», хотя в последнее время мы видимся редко.

Какой он, Заяц? Он умеет найти подход к любому человеку, любит делать подарки не по поводу, а просто так, потому что сегодня хорошая погода.

Не знаю, как рассказать о человеке вообще. Ведь это целый мир. Что мне вспоминается про Зайца?.. Он был первым выпускником в колледже, с которым я познакомилась 1 сентября. И, наверное, стал тем, кто связал 1 и 2 кураторские выпуски ЧИВ. Не знаю, был ли хотя бы один поход без него... Это как-то сложно представить... Но даже если такое случилось, полагаю, он был с нами всей душой.

Если вспомнить какие-то конкретные случаи... Вспоминаются в основном смешные. Когда мы готовили Посвящение позапрошлomu 11 классу, Заяц вылил на меня кипяток для «нудликов». Но вместо того, чтобы заплакать от боли, я начала смеяться как сумасшедшая. Мы посмеялись все вместе. А Заяц через некоторое время рассказал, что попробовал проделать то же самое с другими людьми, но эффект не повторился. Он расстроился, потому что думал, что нашел идеальный способ рассмешить человека.

Моя любимая походная история — о том, как Заяц и Алла Алексеевна часа в три ночи искали в маленькой (3-х местной) палатке «Фестал». Сначала они разбудили меня, потом перевернули все вверх дном, а потом никак не могли уснуть, потому что таблетки стояли у них поперек горла.

А еще была такая песенка “Ивасей” (Иващенко и Васильева) немного переделанная, чтобы лучше соответствовала реальности: «Ах, Аркадий Андреевич в полосочку...»

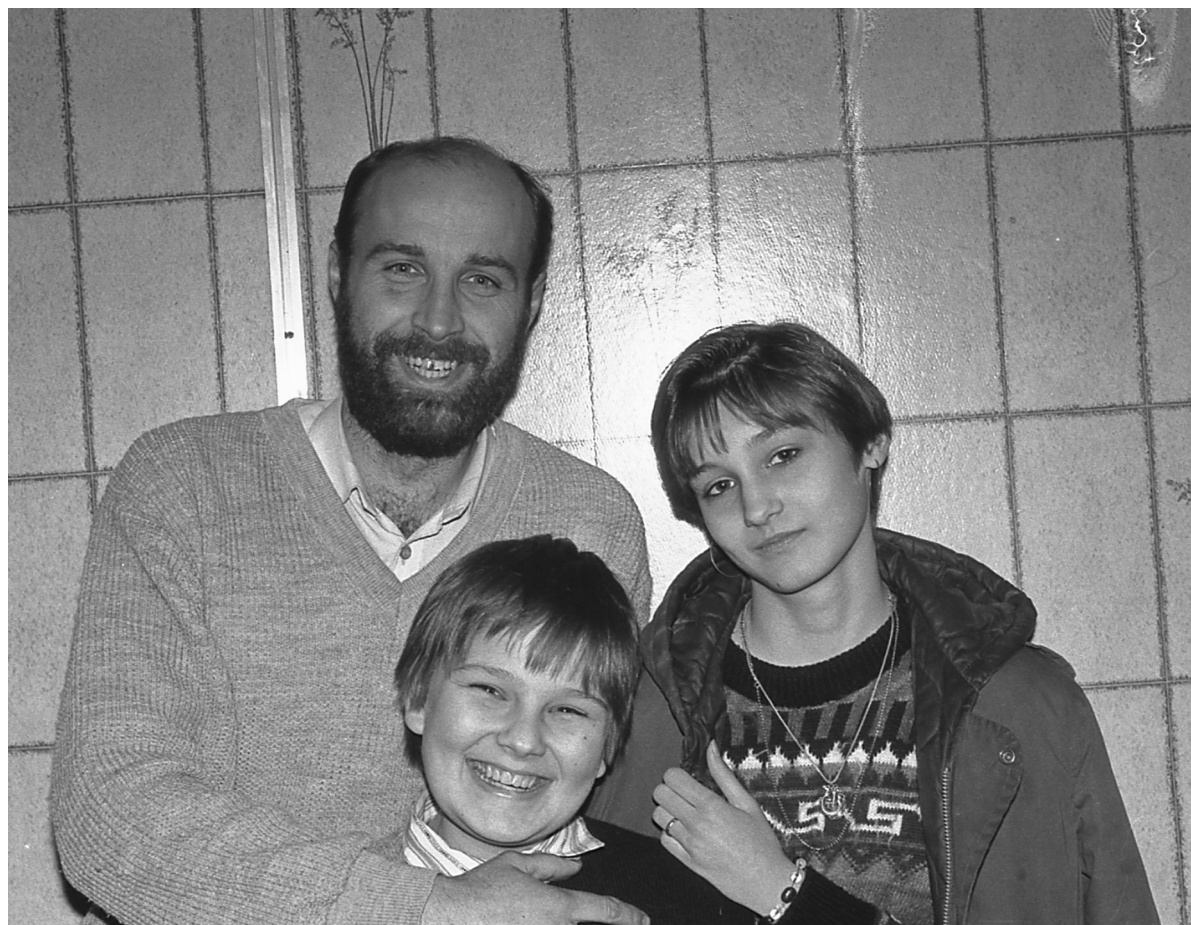

Мне кажется, что у меня дома есть куча вещей так или иначе связанных с Зайцем. Они равномерно расплозились по всей квартире, и сейчас сложно сказать, были они подарены или одолжены...

Не знаю, как закончить, ведь истории можно рассказывать часами, а от того, что я пытаюсь их напечатать, они теряют свою очарование...

*Р.С.: Я знаю, что к стулу еще не прирос
И жизнью не загнан в занюханный угол,
И бросить дела для меня не вопрос,
Вот только немножко со временем туго...*

Курнешов Саша, выпускник 2001 года

Большая дружба с Аркадием завязалась у меня после похода по Кавказу. Я тогда еще учился в Колледже, а он уже был выпускником. Поход – это особое времяпровождение, после него между людьми налаживаются особенные отношения; так было и в этом походе. Я с Аркадием не только познакомился, но и, узнав друг друга, мы сдружились. После похода события начали складываться так, что дружба наша только укреплялась. Аркадий оказался очень общительным человеком, охотно идущим на контакт и готовым помочь в любой момент – он умел поддержать в трудную минуту. Об этой черте его характера я и хотел бы поведать. Дело было так.

После того, как очередной класс заканчивал колледж и проходил обряд Посвящения, его учащимся разрешалось посещать поход выпускников. Для меня этот поход ассоциировался с чем-то необычным, даже сказочным. Я начал готовиться к нему задолго до его начала, я продумывал, как бы не ударить лицом в грязь и при этом показать, что я достоин чести присутствовать, хотя по большей части это никого не волновало, все собирались просто культурно отдохнуть и пообщаться. Я же «из кожи вон лез», чтобы обратить на себя внимание. В последнюю ночь перед походом, решив заранее поехать туда на велосипеде, я возился с ним до самого утра, делая все с особым старанием.

Особо много времени у меня занял сбор бардачка, в который я положил почти все инструменты, находящиеся дома, в которых могла появиться необходимость. Я был очень горд за себя. Добравшись до места в Раздорах, куда потихоньку подтягивались остальные (а некоторые уже были там), пообщавшись со всеми, в том числе и с Аркадием, и оставив велосипед в пользование всем, кто пожелает прибегнуть к его возможностям, я переключился на показавшееся мне более интересным занятие – на копанье ямы для мусора. Копать песчаную породу было легко и приятно, но скучно. Устроив небольшую рекламную акцию, мне удалось привлечь помощников, в их числе и был и Аркадий. Работали мы слаженно и увлеченно, обмениваясь шутками и анекдотами. Аркадий, как самый опытный, подсказывал, как копать, чтобы не произошло завала. Увлечшись работой, мы смогли выкопать яму, в которой могло поместиться три человека без особых проблем: один копал, двое выгружали породу. В

один прекрасный момент всем показалось, что уже хватит и что можно заканчивать работу. Оформив яму так, чтобы она была безопасной для остальных, мы отправились на ужин к костру. Как обычно, после ужина были гитарные посиделки с играми и шарадами — общее веселье тянулось до самого утра, каждый уходил, когда считал нужным.

Наутро произошло несколько неприятное для меня событие. Встав одним из последних, я узнал, что среди моих вещей кое-чего не хватает: за тот период, когда лег последний выпускник и проснулся первый, из палаточного лагеря пропал мой велосипед. Для меня это было несколько неожиданным поворотом событий. Мне не столько было жалко велосипеда, сколько того, что лежало в его бардачке, ведь некоторые инструменты принадлежали не мне, а моему отцу, и очень было жалко потерять их (такая универсальная вещь, как пассатижи, всегда могла пригодиться в доме). Свои страдания и переживания я сообщал всем; кто-то пытался меня успокоить или показать свое сочувствие, — среди этих людей оказался и Аркадий, который одним из первых решил помочь в восстановлении инструментальной базы. Он решил подарить мне при первом же подходящем случае именно пассатижи, хотя к тому моменту, когда это произошло, я уже давно забыл про случай в первом моем походе выпускников. Но Аркадий не мог позволить произойти двум вещам: не выполнить свое обещание и оставить испорченными воспоминания о таком событии, как первый поход выпускников.

Уже прошло почти три года, многое забылось и стерлось из памяти, но эти события сидят как “штамп”, говорящий о человеке все, что определяет его как личность, как друга, просто как человека.

**Александра Рябова,
выпускница 1996 года**

*We are fools to make war
on our brothers in arms...*

Марк Нопфлер

Не могу сказать, что близко дружила с Аркадием, но мне, честно говоря, трудно представить человека, с которым у него могли быть плохие отношения. Я не стала исключением. Много воспоминаний осталось от четырех лет, проведенных в Колледже, воспоминаний самых разных, — от навевающих тихое счастье, граничащее со щенячьим восторгом, до откровенно неприятных. Много осталось в памяти людей и образов. И пусть побьют меня колледжутские патриоты, но далеко не все эти образы так уж кристально чисты и незапятнаны. Аркадий — один из немногих, на ком нет — и, как мне кажется, быть не может — ни одного темного пятна.

В последние два года в Колледже и какое-то время после окончания я не раз ломала голову над этим человеком. Как, бог ты мой, ему это удалось — сохранить то, что, уж кажется, в принципе в этой жизни сохранить нельзя? как он умудрился не «отрастить зубы» и остаться удивительно добрым и светлым, по-детски чистым, но ни в коем случае не инфантильным? «Заяц» — так его прозвали в колледже. Да, верно, что-то общее с симпатичным длинноухим есть, но то, что стояло за привычным имиджем «доброе и пушистого», было, как мне кажется, несоизмеримо больше, чем то, что можно выразить в кликухе, пусть даже самой меткой и емкой. Тогда я почему-то старалась не думать над тем, чего, может быть, ему это стоило — сохранить вот это самое, то, чего сохранить нельзя. Может, и зря не думала...

В последние несколько лет мы редко встречались — ноги мои не всегда доходили (вернее, то и дело не доходили, чего уж там) до общеклассных тусовок, но все же мы пересекались. Странное ощущение возникало в присутствии Аркадия — желание зашить себе рот, чтобы хоть на какое-то время воздержаться от вертящихся на языке ядовитых шуточек. Становилось стыдно за мой цинизм, искренне хотелось сменить пластинку — хоть на полчаса, на пятнадцать минут... Не получалось. Как ему это удавалось — внести в любую компанию, в любой разговор нечто такое, что грешные языки переставали

молоть черт-те что, а грешные мозги начинали выискивать в своих закромах что-то действительно светлое и хорошее, что, может быть, там еще осталось? Сколько же силы потребовалось ему, чтобы это хорошее сохранить в себе самом, чтобы уметь зажигать этот свет в других, пусть ненадолго?

С течением времени события, слова и эмоции забываются, тухнут в памяти, остаются люди. Остается то, что они принесли в жизнь. То, что я скажу, банально и пошло, но, как ни смешно, в таких словах часто заключена правда жизни. Аркадий оставил свой свет и восхищение той внутренней силой, которая помогла ему этот свет сохранить. Возможно, он передал частицу этого света кому-то из тех, кто знал его, — нет, кому повезло знать его. А нам всем действительно повезло — становясь старше, начинаешь понимать, как мало таких людей. Вполне возможно, что он был лучшим из нас. По крайней мере, верится в это на удивление легко.

Дарья Сулова, выпускница 2001 года

С Аркадием я сталкивалась по самым разным поводам, всегда эти встречи были не-предсказуемыми, но, что интересно, происходили они не просто так, налету, «Привет-пока» – и на этом все заканчивалось. Нет... После каждой нашей встречи мне открывались новые стороны его характера. Надо сказать, что это черты настолько яркие, что для окружающих они становятся очевидными, – не обязательно через личное общение, долгие разговоры; достаточно просто понаблюдать за тем, как он себя ведет, как он общается, как помогает другим – и о его характере можно многое узнать. Вся его сущность проявлялась не в словах, а в действиях, в поведении. Его внутренне содержание всегда было открыто для людей, и это притягивало к нему окружающих.

Аркадий – неотъемлемая частичка Колледжа. И если спросить: «Колледж – это Кто?», то Аркашу обязательно назовут. Примечательно, что его знают и те ученики, которые пришли в Колледж намного позже его выпуска. Кстати, в Колледже его класс называют классом Гениев!

Для меня особенно приятным и запоминающимся стало его присутствие на нашем выпускном вечере. Тогда казалось, что он выпускается вместе с нами: не было никаких различий – та же радость, тот же душевный подъем. Да и вообще, странно как-то, при немногочисленности моих с ним встреч, он был чрезмерно близок мне. На наш выпускной пришли и другие выпускники Колледжа, которые принимали активное участие во всем происходящем, но с их стороны не ощущалось такой включенности в ту атмосферу, в наше общее эмоциональное состояние, как это удалось Аркаше. Да и неправильно сказать «удалось», я думаю, он не стремился «включаться» специально, у него это получалось как-то естественно.

Другой особенно запомнившийся мне момент, когда он меня поистине поразил – это сложный горный поход. Произошел несчастный случай: Алла Алексеевна, переправляясь через реку, сломала ногу. Случилось это в середине похода, группе нужно идти дальше, маршрут еще не пройден – но надо было что-то делать. И поехать с Аллой Алексеевной в больницу вызвался Аркадий – куда, в какие условия, как там будет, примут ли вообще... неизвестно, полная неизвестность. И вы знаете, он «согласился» не из одолжения или

после длительных уговоров. У него получилось все просто: «пошли в поход, человек получил травму, надо помочь, надо ехать в больницу — значит, конечно же, поеду» — и все. Даже и мысли нет о том, что, «мол, а как же так? я ведь тоже хочу идти со всеми, с друзьями, ведь я, как и все, собирался пройти весь маршрут» и т.п. Он уехал с Аллой Алексеевной, и не потому, что так надо, а потому, что — как же еще?..

Совершенно в ином свете я его увидела на методологических семинарах для выпускников Колледжа. Они проходили каждый вторник вечером, и на них Аркадий приходил после работы. Это был взрослый, деловой человек, в строгом костюме, и я впервые увидела, как он мыслит, как обсуждает серьезные вопросы. Я на него смотрела и удивлялась: неужели Аркаша, которого я вижу на колледжских праздниках, в походах, неужели этот веселый, открытый, беззаботный человек может быть настолько успешным в работе, в сфере бизнеса, может справляться, и здорово, профессионально справляться со всеми этими делами? Совершенно удивительно..

И эта бесконечная разносторонность Аркаши, возможность открытия в нем все новых и новых граней не просто притягивают к себе, а делают его интересным как личность, как Человека..

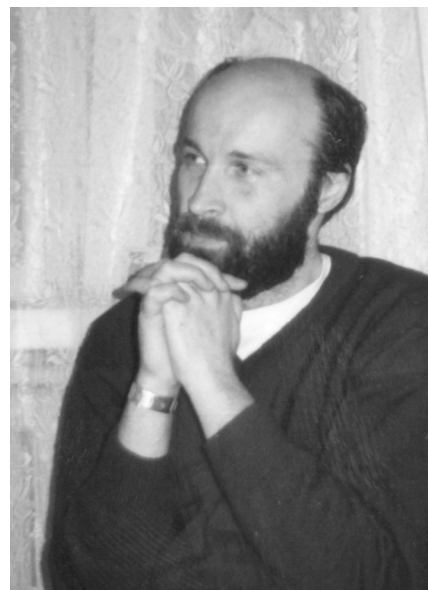

Сергей Ленидович Поляков, куратор

В колледже я занимаюсь видеосъемкой, и поэтому в голове образы выступлений практически со всех праздников. В большинстве их присутствует Аркадий. Очень редко он находится среди зрителей, чаще он активный участник. То он рассказывает художественное произведение, то играет в сценке про семью, то участвует в конкурсах, — но вершиной всех выступлений, конечно же, стала сценка на «Последнем звонке» о том, какими ребята приходят в нашу школу и какими выходят. Я, к сожалению, плохо знаю, какие книги читал Аркадий, но то, что он читал, позволяло ему достаточно уверенно себя чувствовать не только в представлениях, но и в реальных жизненных ситуациях. Одной из ярких таких ситуаций был поход на Кавказ (Эльбрус) в 2000 году. В таких сложных походах, когда идет много учащихся 8-10 классов, да и сам Эльбрус не только красивое место, но и достаточно сложное для прохождения, всегда важна помощь выпускников. Чтобы разные по уровню подготовки ребята смогли взять свои вершины, надо было разделиться. Выпускники, как помощники взрослых, также попали в разные группы. Первую часть пути, в связи с разделением, я не видел Аркадия, а при встрече групп оказалось, что с Аллой Алексеевной произошла беда — она сломала ногу при переправе через горную речку, и Аркадий сам предложил сопроводить ее до больницы. В общем, такая помощь взрослым, которым было сложно бросить учащихся, свернув поход, уйдя из гор, была как спасение всей поездки — и у всех осталось не только понимание коварства горных рек, но и прекрасные природные и человеческие красоты. Надеюсь, что понимание значимости такого поступка ощущаю не только я, но и все, кому дорог Аркадий.

Я думаю, что написать и высказать все, что хочешь сказать про человека, неожиданно рано ушедшего из жизни, невозможно в одном тексте. Аркадий оставил светлые воспоминания о себе и позволяет, когда остаешься с собой наедине, вспомнить и убедиться, что, несмотря на все трудности, которые подстерегают нас каждый день, жить стоит. И благодаря светлым поступкам одних — другие поддерживаются, и так «жизнь на качелях» задает свет, от которого становится тепло. Пусть Аркадий много не успел освоить, пусть он чего-то не умел, но неумное желание не стоять на месте, осваивать новое, — это то, к чему надо стремиться многим не только колледжатам, но и всем людям.

Спасибо тебе, Аркадий! Спасибо Вам, Родители! Я его никогда не забуду, он будет примером для всех учащихся, которые будут пересекаться со мной.

Светлана Георгиевна Тетерина, учитель русского языка

...Много лет назад. **Первый в истории «Проектного колледжа» 8 класс**, первый «четырёхлетний набор», такие маленькие по сравнению с нашими старшеклассниками детишки. Мой поиск самой себя в новой еще для меня школе и в «мыследеятельностной педагогике». В том, что «методологически испорченный учитель» все же состоялся, замечательная «вина» первого выпуска ЧИВ, который терпел и вытерпел этот поиск. Костя, Женя, Оля, Андрей, два Артема, Света... **И, конечно, Аркадий Герасимов.** Один из самых неравнодушных наших колледжутов.

...Полненький мальчик, немножко похожий на девочку не столько чертами лица, сколько его выражением. Широко распахнутые каждому навстречу, чистые глаза. Светлая, мягкая или веселая, задорная улыбка. Замечательно неграмотное письмо (впрочем, в этом Аркаша не одинок не только в классе, но и в Колледже), угловатый, не всегда читаемый почерк. И замечательное желание не учиться русскому языку. Значит, надо как-то сделать, чтобы он (да и другие «любители» уроков русского языка и самого русского языка) захотели все же ему учиться!

Удивляет, что пришедший в новую и «странную» школу ребенок, у которого несомненные трудности в учебе, как бы не нужен родителям. Аркаша почти не занимается дома, но на уроках иногда выдает такие неожиданные — для тех, кто плохо его знает — тонкие наблюдения, что и сама делаешь для себя открытия! (В этом отношении наш «Проектный колледж» — счастливое место для учителя.)

...ОДИ на понимание текстов. Читаем и обсуждаем Чехова, юмореску «О бренности». Дети и взрослые умно и правильно рассуждают о содержании и форме текста, в словах неуклюжих или красивых. Все интересно и не совсем еще привычно для меня — но как-то очень правильно, что ли? И вот на очередном обсуждении выходит к доске этот милый мальчик и... Говорит очень естественно, по-детски, немножко забавно даже — но так в точку, что всеобщий «затык» в «понимании содержания» рассыпается!

...Не помню, до или после этой игры, зимой 8 класса, по-моему, я знакомлюсь

наконец с мамой Аркадия Герасимова (теперь я знаю о трагедии со старшим сыном). И понимаю, что замечательный человек Аркаша другим просто не мог быть. Если бы все родители моих учеников так понимали своих детей и так понимали школу и учителей!.. Мы втроем разговариваем в коридоре о том, как же Аркаше выбираться из его «прекрасной» письменной неграмотности, из нежелания учить этот русский. Договариваемся, что он напишет «рефлексивный» текст о самом себе – чтобы понять, что ему мешает, чем он сам себя может «вытащить» и в чем ему могут помочь другие, как нам взаимодействовать. Я допускаю, что текст не появится на свет. Но Аркаша пишет его (жаль, что текст не сохранился), откровенно, искренне, честно. У текста не будет продолжения, но в учебных делах и в наших отношениях что-то сдвинулось...

... **«Гении» закончили школу.** На выпускном вечере все такие красивые, а мальчики немножко неожиданные – почти все в костюмах и при галстуках. В Колледже начался «не их» учебный год. А кажется, что бывают они у нас не реже, чем раньше.

Честно говоря, плохо представляю Аркашу налоговиком, не вяжется его мягкость и открытость с моим представлением об этой профессии. Однажды я вижу Аркадия в новом костюме, который ему очень к лицу. Похудевший, очень повзрослевший, «построжевший» юноша. Как-то раз говорим с ним о каких-то правовых вопросах, что-то мне было нужно по моим личным делам. И был вполне компетентный и совсем «не детский» разговор. Тогда я впервые увидела не просто очень хорошего и милого мальчика, но взрослого и даже по-хорошему жестковатого человека. Он пообещал поискать нужные мне материалы. Я сама о своей просьбе забыла, а он – конечно, нет!..

...Мать взрослого сына, я думаю о том дне, когда она впервые останется одна в квартире, где тени обоих ее сыновей...О многих-многих днях... Мне становится страшно. Ну чем могут другие в таком горе помочь?! Только одним, наверное, – не забывать. О них, ушедших. Об их маме, живущей в опустевшем мире.....

МИЛАЯ ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Вы удивительная мама. Я не знала Вашего старшего сына. Но Аркаша – это яркий лучик в моей учительской и человеческой жизни. И вот что странно и горько-радостно. Все больше проходит дней с его гибели – и все сильнее становится ощущение, что он не ушел.

**«Не говорите, что их нет,
Но С БЛАГОДАРНОСТИЮ – БЫЛИ!»**

И – ЕСТЬ..

Октябрь-декабрь 2002 года
Ваша Светлана Георгиевна
Мой телефон 701-95-69

Игорь Юрьевич Чернин

Очень надеюсь и верю, что у каждого человека есть Родительский Дом. Но для человека, видимо, есть необходимость иметь Другие Дома. Кажется, наша квартира с Ириной и стала таким Другим Домом: много детей, подростков, юношей и девушек в праздники и в будни обретают что-то необходимое и важное здесь...

Аркадий – один из них ... Душа, язык, рука протестуют писать «был». Ребята, конечно же, приходят к Ирине, она – куратор в Колледже: готовятся к походам, к событиям в жизни Колледжа, обсуждают свои жизненные проблемы. Я общался с ними и видел их не много. Но, конечно, жизнерадостность, открытость и доброта Аркадия замечалась и чувствовалась даже при таких непродолжительных, кратких встречах. До октября 2002 Аркадий оставался для меня одним из Ирининых питомцев, не более того, о каждом из которых я знал от Ирины чуть больше или меньше.

Последние октябрьские дни кардинально изменили мою жизнь... Ирина с дочкой Олей, Андреем и Аркадием были на спектакле «Норд-Ост» 23 октября. Они вместе прошли трагические испытания этого вечера и последующих дней. Я в эти дни познакомился сначала заочно по телефону с мамой Аркадия – Валерией. До утра 26-го октября мы, общаясь по телефону, поддерживали друг друга и жили надеждами на встречу с родными, оказавшимися в заложниках, обменивались весточками от них, дошедшими по мобильному телефону, по СМС – сообщениям через друзей, по средствам массовой информации. Операция по освобождению заложников 26 октября и придала каждому сил, и усилила переживания: где сын (Валерии), где супруга (моя), где Андрей?

Первое известие было об Ирине: жива, находится в 1-й Градской –больнице. Это была общая радость и надежда на встречу с Аркадием и Андреем. Мой дом стал «штабом поисков» ребят: мы распределили список больниц между помогавшими в поисках колледжутами, звонили туда, искали Андрея и Аркадия, передавали информацию всем участникам поисков. Наконец нашелся Андрей: жив, в 13-й больнице. В эти дни мы регулярно разговаривали с Валерией, вместе искали Аркадия, просили высшие силы уберечь его. Несколько дней поисков и надежд представляются

сейчас и коротким мигом, и длиннейшим душевно тяжелым испытанием неизвестностью.

Мучительно страшно и тяжело возвращаться к тем дням и минутам, когда начали ездить по моргам, когда не верилось и не хотелось мириться с первой тяжелой информацией, а затем с подтверждением о трагичном исходе.. Все протестовало и протестует: так не должно быть! Так не может быть! Я не хочу, чтобы так было!!! Как его матери узнать и пережить такую боль?

Валерию, маму Аркадия, я увидел впервые на похоронах сына!!! Личная встреча произошла, но какой ценой?! Мы породнились в дни надежд и тревог, но мы потеряли: мать – второго и последнего Сына, а я обрел третьего сына, который погиб... Мое дополнительное ощущение и переживание отцовства будет жить в душе, в памяти, в сердце, но оно не коснется жизнерадостного и улыбающегося Аркадия. Наш с Ириной дом, как и дом Валерии, осиротел без Аркадия, без нашего Сына...

Молюсь об одном: чтобы мое сопереживание помогло Валерии выстоять и пережить эту трагедию. Эти испытания превратили в первую очередь Аркадия, а вместе с ним и других Ирининых мальчишек и девчонок в родных мне, дорогих и близких. Наш Дом будет с нетерпением ждать их в минуты горести и в минуты радости. Я с искренней радостью буду встречать их улыбки и узнавать в них Аркашкины жизнерадостность, светлость и открытость.

Аркадий... Аркаша...

Мальчишка, юноша, молодой человек...

Я видел его и знал не так много, как, возможно, другие колледжуты, но мои собственные впечатления о нем, слова и впечатления родных, друзей и близких, с которыми я познакомился в трагические минуты, соединились для меня сейчас в словах поэта:

*Жизнь — ведь это только миг,
Как бы растворение
Нас самих во всех других,
Как бы им в дарение...*

В этих строках, на мой взгляд, отражено жизненное кредо Аркадия.

Последуем за ним без оглядки, на пределе душевных сил...

Любовь Бужкевич, выпускница 1994 года

Расскажу о двух эпизодах. Первый – достояние общественности, второй – краткая личная беседа.

1992 год. Сентябрь. Игра. Два новых класса (восьмой и десятый). Стандартный сценарий: утром происходит работа в группах, во второй половине дня общее обсуждение. Выступление от одной из групп я и сейчас прекрасно помню. Идет сложнейшая работа по пониманию текста. Зал уже сильно устал. Ситуация требует разрядки. Выходит очаровательный и располагающий восьмиклассник и объявляет: «Герасимов Аркадий». Все! Контакт с аудиторией установлен мгновенно. Содержание выступления оставим в стороне, но отметим, что доклад был сделан ярко, образно и очень отличался по манере изложения от прочих. Небольшой нюанс. До слез хохотала даже строгая и требовательная Нина Вячеславовна Громыко. В первую Игру в качестве ученика Колледжа Аркадий предстал перед нами добрым, непосредственным и очень-очень обаятельным.

2001 год. День рождения Колледжа. Около входа на третий этаж рядом с лестницей стоит немного грустный молодой человек, выпускник колледжа, закончивший уже не только Колледж, но и престижный финансовый вуз. Начинаем беседовать. О чем? О будущем. Оказалось, что причина грусти Аркадия в отсутствии работы. Он объяснял, что по понятным причинам не хочет трудиться в государственном секторе, а вертеться-крутиться в Налоговой (как другие) просто не может. Или поступать порядочно, или никак. Конечно же, Аркадий скоро нашел работу, по-другому быть просто не могло.

Кстати, тот рассказ классика, который разбирала и понимала группа Аркадия, назывался «О бренности».

Зими́на Настя, выпускница 2002 года

Заяц (он для меня был Зайцем) – это человек, с которым всегда было приятно и легко общаться. Обычно при первом знакомстве с людьми достаточно сложно строить разговор, в том смысле, что он получается несколько формальным и строгим, поскольку одно дело, когда разговаривают друзья, а другое – малознакомые люди. И в этом случае всегда остается дистанция между людьми.

С Зайцем все было по-другому! При первой же нашей встрече я почувствовала себя с ним «своей в доску». Он так просто и непринужденно вел беседу, что казалось, что я знаю его всю жизнь.

Заяц всегда для меня ассоциировался с чем-то мягким, теплым, уютным, бесконечно добрым и надежным.

Заботин Стас, ученик 9 класса.

Аркаша! Пожалуй, один из немногих выпускников нашего Колледжа, которого я по-настоящему знал. Не просто пожимал руку при встрече, а мог поговорить на разные темы, как со старым знакомым. Аркашу я мог назвать своим товарищем, хотя многих из своего класса я так назвать не могу.

Аркаша! Всегда отзывчивый и веселый, всегда даст мудрый совет, всегда поможет и ободрит шуткой. Он – настоящий товарищ.

Аркаша! Знал я его немного, а вот научился у него очень многому: собирать «Егеря» (лодку), рубить дрова, сушить промокшую в походе одежду... Научился П О М О Г А Т Ь другу (т а к , к а к я р а н ь ш е н е у м е л !) и многому другому. Но главное, ко мне перешла его часть – та, которая всегда веселая и добродушная, всегда отзывчивая и любящая.

Аркаша! Огромное тебе спасибо!!!

**Сунцова Людмила Владимировна,
учитель химии, сейчас директор школы 1314**

Аркаша... Мой бывший ученик. Что особенного можно сказать мне о нем как учителю химии? Пожалуй, ничего! Он ничем не отличался от остальных учеников колледжа: ни особой любовью к химии, ни особой нелюбовью к ней, — кроме, пожалуй, его доброго лица и очаровательной улыбки. В меру шаловливый, в меру послушный, как любой мальчишка — школьник. Он пришел и ушел из школы, как один из... и вместе с ним «ушла» очаровательная улыбка. Как-то стало чего-то не хватать на моих уроках...

Он не ушел из школы! Только с его переходом в новое качество (из ученика в выпускника) развернулась вся широта его души, которой, как оказалось, до всего есть дело, вся ее забота обо всех. Вот он — Аркадий — первый помощник, стремящийся участвовать во всех значимых делах. И для него не важно, сколько сил и времени от него потребует то или иное дело, — важно, чтобы оно было сделано с душой! Это и подготовка места для проведения «Посвящения» очередного класса в колледжуты, и встреча очередного учителя, приехавшего на «Посвящение» не со всеми вместе; и участие во всевозможных походах с учениками Колледжа в качестве взрослого и первого помощника педагогов, передающего детям свой опыт «походника»; и посещение заболевшего учителя в больнице; и помощь начинающему директору в неравной борьбе с арендаторами, и ... Везде, где необходимо человеческое участие и бескорыстие, — везде был Аркадий!

Огромное спасибо Вам, дорогая Валерия Александровна, за прекрасного сына! Очень хочется, чтобы таких людей, как Аркадий, было как можно больше на нашем жизненном пути. Тогда мир будет добрее...

Олег Неменский, выпускник 1996 года

Аркадий всегда удивлял своим умением сходитья с другими людьми, находить общий язык и оставлять после себя хорошие чувства. И делал это как-то очень ненавязчиво, естественно, как само собой разумеющееся. Не будучи центром компании, не привлекая к себе всеобщего внимания, он оказывался все же ее необходимым звеном, без которого она и не мыслится. Огромное душевное обаяние, которым он обладал, располагало к нему всех и сразу. Помню, был такой забавный случай:

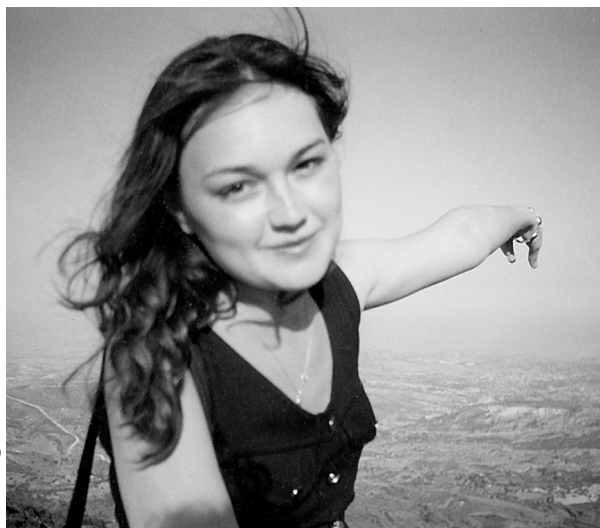
в походе, на стоянке, уже вечером Аркаша пошел в ближнюю деревушку (выяснить, кажется, где у них колодец и с хорошей ли водицей). Недолго ходил. Потом наутро, когда мы уже плыли на байдарках мимо этой деревеньки, с обоих берегов нам кричали местные мальчишки и девчонки: «Аркаша-а! За-а-яц! Пока-а-а!» Мало кто еще способен на такую контактность с людьми. Мне она казалась даже странной: сам же ты к людям очень по-разному относишься, кто-то тебе мил, кто-то нет, — ну, а у ты всех вызываешь весьма схожие теплые эмоции. Как так? Видно, Аркаядц обладал удивительным качеством дарить людям свое тепло, не навязывая им себя. И вместе с этим он дарил нам и то тепло, которое порождал в нас самих, и мы все ему за это очень благодарны!

Наш класс без Зайца немислим. И он всегда будет незримо присутствовать с нами на наших встречах, как будто просто в другую комнату вышел. И мы еще долго будем удивляться этому чувству, — что хочется позвонить Зайцу, а почему-то нельзя. И все же — Аркаша с нами останется, ведь с нами остается и порожденная им в нас теплота, и его светлый образ.

Лия Игнатова,
выпускница 1996 года

СВЕТ СОЛНЕЧНОГО ЗАЙЧИКА

«Заяц», – сказал он, широко улыбаясь.
«Странная фамилия», – подумала я про себя. Только спустя некоторое время я поняла, что «Заяц» было его прозвище. Прозвище, которое удивительно подходило этому человеку, целиком и полностью создавая его собственный, неподражаемый имидж. Его жизнерадостность заставляла всех вокруг смотреть на мир другими глазами. Его оптимизм молниеносно передавался окружающим людям. Менял мировоззрение и заряжал энергией даже в самые тяжелые периоды жизни. Его доброта не знала границ. Первый в списке класса, он был всегда первым человеком, готовым прийти на помощь. Не было ни одного мероприятия, в котором бы он не значился или не принял участия. Когда я в первый раз оказалась в дверях Колледжа – я хорошо помню яркий контраст того пасмурного осеннего дня и светящегося улыбающегося «Зайчика». Время шло, а наш «Зайчик», будучи неотъемлемой частичкой Колледжской атмосферы, всегда олицетворял собой солнечного зайчика, излучая свет и тепло.

2 января 2003 г.

**Жуковская Александра,
выпускница 2000года**

Наступит ли конец света

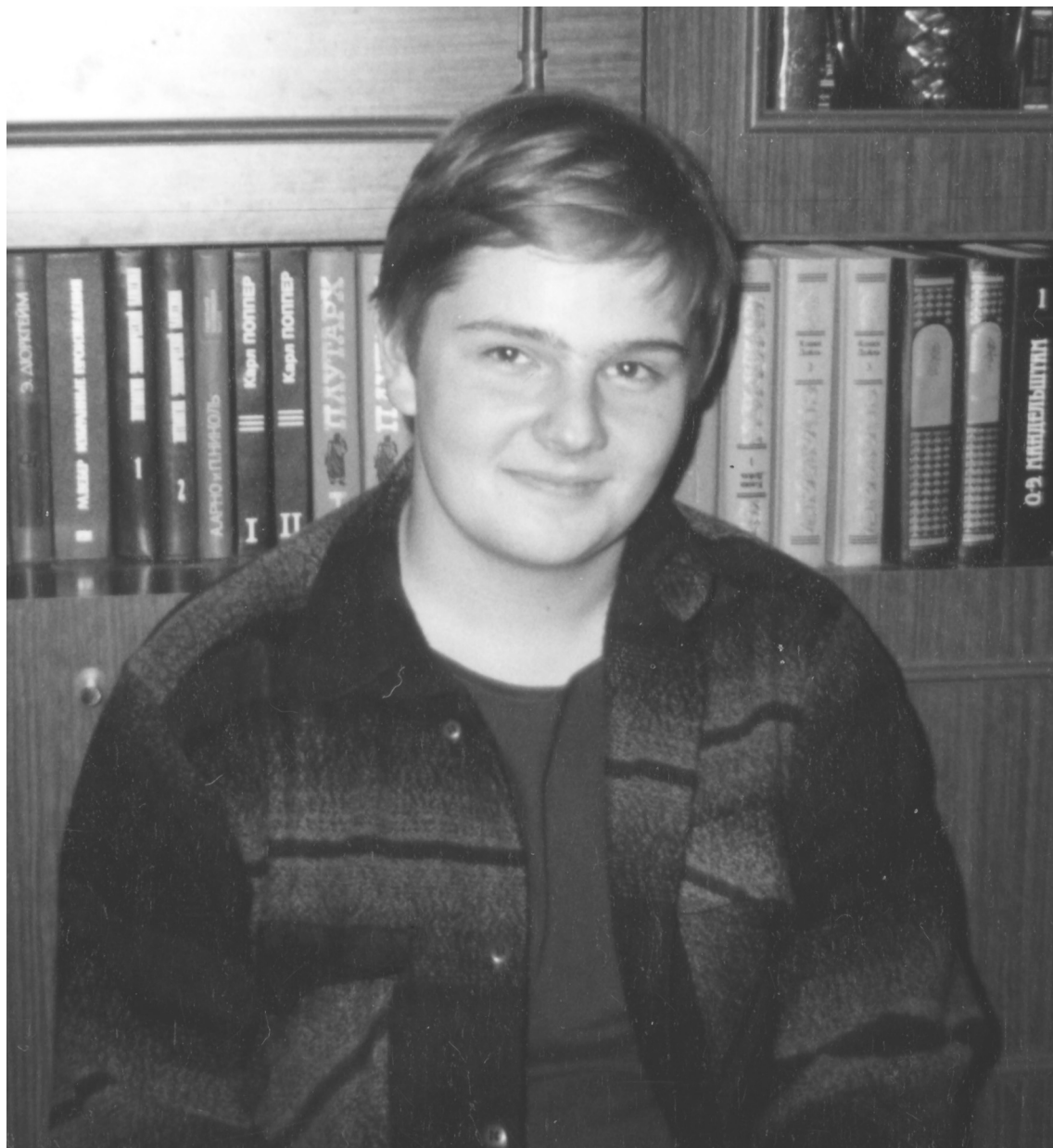
*Наступит ли в мире конец света?
Не знаю. Но, думаю, это — ложь.
Он есть постоянно зимой и летом
У каждого — свой. Потому, что это
Тот день, когда ты, увы, умрешь....*

*А что до суда, то вздохнем невольно:
Ведь жизнь обрывается навсегда.
Какого ж еще нам тогда суда?
Наверное, смерти вполне довольно!*

Э.Асадов

Очень тяжело писать какие-либо слова по такому поводу. Я могу сказать только то, что Аркаша был замечательным человеком, хорошим другом, который всегда приходил на помощь вовремя. Думаю, что там ему будет лучше, чем здесь, как-то ни банально.

Андрей Вячеславович Ильченко,
офицер запаса, учитель информатики школы 1314

Я никогда не встречался с Аркадием, но то, как к нему относятся люди, с которыми я недавно познакомился, ДОСТОЙНО УВАЖЕНИЯ его ДУШИ.

Есть только миг между прошлым и будущим...

28 декабря 2002года

Слепцы

*Кольшутся, меркнут в тумане,
Уходят отжившие дни.
И вот, словно мусор в кармане,
Мешают нам в жизни они.*

*Они заставляют терзаться
Словами: «Как жаль, не успел!»
Они заставляют стараться,
Стараться нагнать, что хотел.*

*И в панике бешеной рвемся,
И мчимся, забыв про друзей.
Когда же без них остаемся,
Рыдаем, как сотня чертей.*

*И вновь мы в погоню несемся,
Но это же замкнутый круг!
И лишь под конец сознаемся,
Насколько важнее нам Друг...*

Илья Зенин
январь 2003 г.

Шлыкова Светлана Александровна,
куратор нынешнего 8 класса.

Аркаша!

Как часто и бывает, только после потери человека начинаешь понимать, как мало я знаю его, как мало с ним общалась, может быть, где-то мало уделяла внимания, когда этот человек был рядом. И лишь сейчас, по каким-то крупицам начинаю прорисовывать твой образ: добрый, любящий (кажется всех без исключения), легкий в общении (но не поверхностный), и вообще светлый человек.

Но время повернуть вспять нельзя. Можно только одно: обратить внимание на тех, кто со мной рядом, кто пока идет со мной одной дорогой, чтобы не было потом опять так больно...

Спасибо тебе за урок.

Пятилеткина Татьяна,
выпускница 1993 года.
Сестра Полины.

Аркаша, Зайчик, милый, добрый, славный человечек.
Веселый, душевный, отзывчивый... Не сказавший ни о ком
дурного слова — не услышавший ни от кого дурного слова.
Человек, каких не бывает...

Круглова Елена Ивановна,
куратор лицейского класса.
Сейчас завуч УВК «Издательское дело».

В 1993 году я узнала о существовании учебного заведения «Проектный колледж». Разумеется, необходимо было посмотреть, что это такое. Первым человеком, к которому я обратилась с вопросом о колледже, был Аркаша. Светлый, доброжелательный, приветливый, спокойный мальчишка. Тепло и свет, которые исходили от него, были такими контрастными прошлому опыту моего общения с подростками, что этот разговор остался со мной, наверное, на всю жизнь.

И сегодня я вижу, как он спрыгивает с подоконника, подходит ко мне, и улыбаясь спрашивает: «Вы кого-то ищете?»

Произошло чудо! Изменилась судьба моя и моей семьи от его улыбки...

Я в долгу перед тобой, Аркаша...

Всегда буду за тебя молиться.

Андрюшков Андрей Александрович,
выпускник 1994 года.
Сейчас преподаватель метапредметов в колледже.

Душа его ангельская — беззлобная, детская, светлая...
И грустно, очень — очень грустно, не за него, а за нас...
Мир и покой тебе, Рыцарь.

**Крупникова (Рогова) Ирина
Евгеньевна,
Преподаватель физкультуры.**

Я до сих пор не могу поверить в то, что его нет. Просто не верится и все. Кажется, что он просто уехал в другой город, а похороны – страшный сон...

Валерия Александровна, вы героическая женщина! Вам сейчас очень трудно и не знаю, будет ли легче... Мне до сих пор кажется, что все можно было бы изменить, находишь я там. Наверное, я ошибаюсь, но чувство вины все равно никуда не денешь, ведь мы живы, а он – нет...

Аркадий всегда был очень милым, добрым, непосредственным и немного ребенком. Всегда галантным и веселым кавалером, и неважно сколько девушек в компании, он замечал всех, каждой уделял внимание, никто не чувствовал себя не у дел.

Больше всего мне запомнилась встреча 2002 года у ЧИВ. Мы тогда пошли гулять в Кусково. Аркашка, как всегда, рассказывал какие-то анекдоты, байки, было очень здорово и весело. Потом вернулись домой и смотрели фильм по телевизору. Аркадий смотрел его впервые, и я комментировала, а он что-то отвечал на мои комментарии, да так умирительно, что я все время смеялась... Не верится, что его нет.

А еще походы... Аркашка всегда помогал всем и во всем. Он всегда вставал первым и будил всех стуком топора. Но зато когда народ выползал из палаток, костер уже вовсю горел. Я просто не представляю себе как будет выглядеть наша походная команда без него... Он унес с собой что-то очень доброе, очень хорошее... Мне всегда будет его не хватать...

Аркашка был очень светлым и бескорыстным. Он всегда готов прийти на помощь, если тебе плохо и трудно. Не припомню такого случая, чтобы он хоть кому-то отказал. Помогал всем и во всем. Он был очень щедрым не только в денежном смысле, щедрым на чувства. И то, что он дарил окружающим, было только хорошим и никогда плохим.

Недавно мне приснился сон: звонок в дверь... на пороге стоит Костя и рядом – Аркадий. Я в растерянности первые несколько секунд, а потом говорю Аркашке: «А я верила, что ты вернешься, что все неправда и ты жив!» А он отвечает: «Да, я сам долго ничего не понимал после месяца в реанимации, но теперь у меня все хорошо»... И улыбнулся. И все стало как всегда, так, как должно было быть...

Так много хочется Вам сказать хорошего, но нет слов, только боль. Боль и вина, что он ушел, а мы живы...

**Алексеева Лада Никитична,
преподаватель метапредмета «Знание»**

Аркадий – яркий и интересный человек. На уроках мне, учителю, доставляло удовольствие вызывать его, особенно к доске. Другие ученики слушали его внимательно, да и говорил он не формально, вкладывая свой смысл. Мне хочется сказать спасибо Аркадию, его маме за то светлое, радостное состояние, которое он приносил с собой и которым щедро делился с окружающими.

**Зотина Галина,
выпускница 2000 года**

Здравствуйте дорогая Валерия Александровна!

С Аркашей я познакомилась, когда поступила в колледж в 8 класс (в 1996 г.). Он всегда приходил и улыбался, готов был помочь (Аркаша часто помогал мне с математикой).

К сожалению в поход с Аркадием я ходила только в один, на байдарках с Ириной Вячеславовной. В другие я не ходила, т.к. у меня постоянно были тренировки по горному туризму. А Аркадий постоянно ходил с нашим классом.

В последний раз я его видела, когда он собирался летом в поход. Он приехал, мы собрали, проверили лодки, затем упаковали рюкзак и пили чай, обсуждали какую лодку лучше покупать:

Аркаши сейчас рядом с нами нет, но он не умер, он живет в наших мыслях, воспоминаниях, в нашем сердце и нашей душе. Он всегда улыбался и мы должны улыбаться. Ради Него!..

Абзалов Дмитрий,
выпускник 2001 года.

Vivos voco, mortuos plango
(лат. Зову живых, оплакиваю мертвых)

Тишина... Хочешь узнать, что такое тишина – посмотри на глухонемых.
Потеря... Хочешь узнать, что такое потеря – посмотри на раздавленных войной солдат.
Печаль... Хочешь узнать, что такое печаль – посмотри в окно ночью и спроси: «Зачем все это?».

* * *

Я знаю, что слишком поздно и только поэтому скажу. Я знаю, ты один это услышишь.

Это было давно (теперь мне кажется, что это было слишком давно).

Итак, это было давно. На прекрасных ландшафтах девственного мира затерялось всеми забытое Королевство (имя которого помнят лишь горы), знаменитый Элизиум. Мир безраздельно властвовал на всем его просторе, дрема и безмятежность были разлиты в воздухе подобно рекам эфира. Там жили необычайно красивые, мирные и бесконечно светлые люди, их дома мироточили будто иконы. Благодать сияла на их лицах. Они ничего не просили, а, тем более, не рвали, и поэтому природа давала им всего сполна.

Такого разнообразия причудливых животных Дарвину даже не снилось. Причем многих из них наш современник назвал бы мифическими. Грифоны и мантикоры, наги и единороги – все, что у нас «разобрали» бы на охотничьи трофеи и ассортимент мясной лавки, мирно сосуществовали на непередаваемых пейзажах давно забытой родины.

Этот мир был настолько «наивным», что, смешно сказать, верил в Магию. Но, самое смешное, что Магия поверила в этот Мир. Ведуны и Шаманы, Друиды и Волхвы – всем нашлось место в темных дебрях древних лесов и у одиноких костров в полуночных пустынях.

Даже боги спускались отдохнуть в мир смертных. Не раз колесница Шивы огненным болидом вгрызалась в буйство зелени на горизонте. Или старый Один привалился к вековому дубу, устав от шумных пиршеств Асгарда. А то и сам Донн, извечный противник всего живого, решит отдохнуть по эту сторону баррикад.

Да, многих достойных вы бы встретили в той земле, однако, несомненно, был лучший среди равных. Это был венценосный принц, имя которого сродни песни ветра, его нельзя услышать, его можно только слушать. Он видел потому, что хотел увидеть, а слушал потому, что хотел услышать. Он верил всем, ведь на свете не было

никого, кто бы мог солгать ему. Он был верен друзьям и при этом не изменил себе. Но самое незабываемое — это его глаза.

Согласно легенде, боги решили открыть людям Смысл Бытия. Но поскольку словами его было не передать, они выбрали чистого сердцем среди людей и на мгновение позволили ему увидеть все. С тех пор, каждый, кто посмотрит в светлые глаза принца, сможет понять (даже не понять, а поверить), *что в жизни есть Смысл и ради Этого стоит жить...*

А потом... **ОН УМЕР...**

Я до последнего дня не мог поверить в то, что Он умер. Я думал, что смогу пережить это, я верил, что смогу пережить это. Без Него весь мир стал одномерным, он потерял смысл, он потерял Его. И не один Бог, не смог Его вернуть. Только тогда мне стало, ясно, что с Ним умер Колледж, с Ним ушли Выпускники, и у меня был шанс все остановить.

Я тоже виноват, я мог вернуться туда, откуда я вышел. Я мог помочь тогда, когда надо было. Но я не смог отпустить Колледж, Я не смог ему простить, что он стал другим. Он умирал у меня на глазах, а я играл ему реквием над его чуть живым телом, это я похоронил его при жизни. И вместе с Колледжем ушло самое лучшее, ушел самый лучший, Венценосный Принц со Светлыми Глазами...

Господи, как много я потерял, из-за того, что не сумел отпустить. Я должен был научиться принимать людей, такими, какие они есть, а не распинать на кресте собственного прошлого. Надо было суметь их отпустить, чтобы принять новыми, другими. Я должен был сказать «Прощай», а все время повторял «Вернись»...

* * *

Теперь ты знаешь все.

Наверное, боги опять открыли ящик Пандоры, забрав себе лучшее, что у нас есть — надежду.

Тишина... Пальцы медленно перебирают клавиши... Потеря... Горький привкус давно остывшего чая терпкой пылью оседает на языке... Печаль... Иду на кухню, прислоняюсь лбом к окну: в темном городе одиноко стонет сигнализация бессмысленным набором звуков...

Кажется, я пытаюсь уйти от ответа.

Но Ты знаешь как трудно сказать «Прощай», когда внутри что-то ноет «Вернись»...

Жуковская Александра, выпускница 2000 года.

Очень тяжело писать, наверное, именно поэтому я смогла сесть за это лишь спустя полгода. Не могу сказать, что притупилось ощущение потери, хотя я и надеялась, что это произойдет. Много нас связывало, да и общались частенько. Даже работали вместе, правда недолго. Эта история требует отдельного рассказа.

Я только-только ушла из института и в поисках работы обзванивала по объявлениям разные фирмы. Проблемы было две: мне 17 лет, и получать я хотела, ну хоть немного больше 100 долларов. Предлагали в основном побегать курьером, обзванивать по спискам и раздавать листовки у метро. А хотелось нормально работать. Случайно встречаюсь с Аркашей, и он с места в карьер: Говорят, ты ищешь работу? Ну, да, ишу, безрезультатно. А, не хочешь пойти ко мне в помощницы? . Ну, Word, Excel, вообще работа с компьютером и накладными. Из вышеперечисленного я знала, где включается компьютер и, очень приблизительно, как работает Word, пожалуй даже могла печатать. Тремя пальцами. Да, ладно, ты умная, обучаемая, справишься! Вышла на работу с понедельника, а в среду он виновато подходит ко мне и говорит, что нашел другую работу и собирается уходить. За две недели отработки он впихнул в мою голову всю систему работы склада (даже схемку нарисовал, по старой колледжской привычке), научил меня пользоваться Excel (для чего потратил собственный выходной) и презнакомил меня с моими будущими коллегами. Можно даже не упоминать, что провожали его всем складом, а системой хранения документации, которую он модернизировал, и новыми бланками накладных, я пользовалась еще в течении полугода, пока не уволилась. Сильно подозреваю, что ей пользуются до сих пор. И после всего этого стоит уточнить, что на складе он проработал чуть больше месяца.

Колледжские походы. Как много в этом звуке. Между прочим, не помню ни один без Аркаши. Первый на разведке, во главе нашего вывода в лесу. Всегда улыбчивый. Какая-то очередная вылазка, чуть ли не самая первая с ночевкой, вечер. ЧИВ посылает нас за водой. Спускаемся вниз, начинаем искать ручей, все что мало-мальски напоминает воду это лужи, их много. В конце концов, находим какое-то стоячее болотце, наверное, оно и было ручьем. Когда-то. Я наклоняюсь к так называемой воде, набираю в кан и, на свою голову, говорю: Посвети. Цвет той воды, словами описать невозможно, но чисто зрительно, кажется, что чай там уже заваривали. Расстраивать мы никого не стали, сразу повесили каны на огонь. И если кашу мы все-таки съели вместе со всеми, то вечерний чай пить не стали. Так молча и переглядывались весь

вечер с разных сторон костра. Очень сильные впечатления.

Еще один случай, который я всегда вспоминаю и очень люблю рассказывать. Как-то раз мы собрались отмечать День Рождения моей не-колледжской подруги, решили на природе. Палаток, как всегда не хватало, ну кого можно попросить? Звоню Аркаше: Дашь? Дам. Отметили праздник, встречаемся по пути на работу в метро, на Проспекте Мира, возвращаю палатку. Она хоть цела? Конечно, полный комплект, ни одного колышка не поломано, ни одного чехольчика не потеряно!

Разошлись, приезжаю на работу, часа через два звонок: Алька, знаешь, когда мне продавали палатку, в инструкции было написано, что дуги не имеют остаточной деформации. Чего-чего? Ну, когда ставишь палатку, ты их сгибаешь, а когда собираешь, они разгибаются и остаются прямыми! Ну, и??? Как ты умудрилась согнуть их буквой S? Я без зазрения совести свалила все на Вовку, который палатку ставил и собирал, впрочем, спал в ней он же, но смеялась очень долго.

Очень многое можно вспомнить. Как встретив меня в мой День Рождения, совершенно случайно, не растерялся, а подарил мне книгу Стругацких, которую в этот момент читал где-то на середине, как по-моему, очень самопожертвованно. Я бы ни за что не отдала. Вместе мы гуляли, ходили в театр, в частности так я первый раз посмотрела Иисус Христос супер-звезда, ездили в походы, отмечали дни рождения. О своем в последний раз он предупредил меня за полгода, со словами: Ничего не знаю, как хочешь, но ты занята. На все мои робкие возражения, что я может, в отпуск уеду, или наоборот работать буду, получила категоричный отказ: Сначала мой День Рождения, а потом делай все что угодно. Каждый его День Рождения самый веселый, шумный праздник середины лета.

Ну, и в конце я все-таки напишу банальность: если там что-то существует, то Аркаша, без всякого сомнения, в раю.

Цыганова Ольга,
выпускница 1996 года.

*Солнечный Зайчик погас и никогда не вернется
Где-то вдали он блестит или, быть может, смеется.
Светлое солнце на небе в память о нем остается.
Только зачем нам оно — это большое солнце?
Солнце слепит глаза, до него нельзя дотянуться,
А Зайчик был рядом всегда и мог мне улыбнуться.
Люстру повесил он в доме моем, чтобы всегда мне светила,
И мне дневник подарил, чтобы я с ним говорила.
Нож он оставил на память большой, только сказал: «Не порежься».
Смех его, голос и песни живут, чтобы могла я согреться.*

*Недавно мне Аркадий снился. С друзьями он пришел.
Сказал, что мы ошибку совершили и не того похоронили,
А он — живой. И так поверила я в это, что до сих пор порой
Я думаю, что это правда...*

Это мои воспоминания об Аркаше, мы сидели за одной партой.
Больше писать все еще не могу.

Наташа Сергеева, выпускница 2001 года

Аркаша... Заяц... не знаю, мне кажется, что нет такого человека в Колледже, который бы его не знал; причем Заяц всегда у всех ассоциировался с добротой, отзывчивостью, образ солнечного света, тепла, участия... Неверное, много можно писать подобных слов. Рядом с ним всем было хорошо. Меня всегда поражало его умение видеть во всех, в каждом человеке, частичку, искорку света, того самого, что делало этого человека именно им.

Мое первое знакомство с Зайцем произошло, когда я поступила в 8-й класс. Я собирала материалы для Колледж Града и ЧИВ посоветовала мне обратиться к Аркаше. Помню, что я была поражена необыкновенной отзывчивостью тогда еще мне незнакомого человека. Я его как-то сразу запомнила. Тогда же меня несколько удивило, что ЧИВ и многие другие называли Аркадия Зайцем. А сейчас это кажется так естественно.

Потом я уже хорошо узнала Зайца в походе на Эльбрус. Меня очень поражало то, что Зай умудрялся, таща такой тяжелый рюкзак, оставаться веселым и отзывчивым и еще помогать другим. Не знаю, как-то становилось всегда радостно при виде Аркаши. У меня все воспоминания и ассоциации с Аркашей связаны с чем-то хорошим. Не знаю, мне кажется, что Аркаша обладал необыкновенным даром, может даже был наделен огромной силой. Каждый человек, пообщавшись с Зайцем, старался (как мне кажется) походить на него таким теплым отношением к окружающим и просто видеть мир таким, каков он есть в белом свете и уметь радоваться каждым днем, каждым прожитым мгновением на этой Земле. Аркаша умел. Для него это было также естественно, как все мы утром садимся в метро, или пьем кофе, или не знаю, не важно что. Он радовался всему, что его окружало, был рад каждому человеку. Многие, наверняка, знали его только улыбающимся. Улыбка и Солнышко – самые подходящие ассоциации для Аркаши и, конечно же, Заяц. Как-то раз он сказал, что «Заяц» – это имя, которое его делает немного другим, нежели он был просто Аркашей. Наверное, он прав.

Очень яркое воспоминание об Аркаше осталось с посвящения. Мы были в группе заброски, а поскольку это было мое первое посвящение, которое уже не мое, а следующего класса, то мне очень хотелось пройти к Радонежу на встречу классу. Мы пошли с Аркашей. Было необыкновенно красивое небо, усыпанное звездами, лес и поле, которое скрывало дорогу и

самое главное, холм, за которым, собственно, и спрятался храм, а дорога вела через туман, вверх, поднималась будто в небо, и Аркаша сказал: «Как здорово, посмотри, мы как будто взлетаем...»

Последние яркие воспоминания связаны с этим летом, когда мы были в Карелии. Поход получился сумбурным, и тем же незабываемым. Аркаша был адмиралом и, надо сказать, просто замечательным адмиралом. За ним – как за каменной стеной, мне не нужно было думать о каких-то транспортных проблемах, реквизите, маршруте и т.д.

Мы все в походе как-то очень хорошо «прижились», если можно так выразиться. Команда подобралась отличная, даже по интересам. Для меня это был первый карельский поход и впечатлений, конечно, было море. Помню, когда мы только спустились к реке (было 5 утра), и нам нужно было накачать все лодки и перепаковать все вещи. Мы как-то планировали управиться часа за 2-3, а получилось, что отчалили мы только в 12 часов. И еще, когда мы только сели за весла, Аркаша только осваивал катамаран, а Лера вообще была первый раз в водном походе. Мне было так смешно смотреть, как их «бананы» (катамаран) не могут вписаться в проход между двух коряг. А потом, когда начались пороги, они порой садились на камни, и Аркаша, когда ничего не мог сделать, вылезал и проводил катамаран волоком. Так было жалко смотреть на бедного Аркадия, хлюпавшего в мокрых кедах по воде. У него был его универсальный костюм водника: шорты, рубашка и кеды. Когда было холодно и лил дождь, Зай все равно плыл в них, а я не могла согреться аж в двух куртках.

Очень веселые воспоминания связаны с дождями. Когда моросящий переходит уже в ливень, плыть мы никуда не можем, и приходилось нам накрываться тентом и пережидать; так мы для того, чтобы согреться, начинали рассказывать анекдоты, а Аркаша их знал такую уйму, что мы смеялись до боли в животе.

С ним всегда было интересно, он откуда-то брал такие подходящие по содержанию истории, часто цитировал что-нибудь очень умное. Скучать не приходилось.

Один случай был самым, наверное, реликтовым, когда Заяц прошел порог самосплавом. На это истрачено было такое количество пленки. А еще мне запомнился Аркадий, пожалуй, самое ценное и последнее воспоминание об Аркаше из подхода. Где-то в середине пути мы с Лерой решили поменяться и попробовать, я на кате, а она на байдарке. Мы с Аркашей уплыли намного вперед, а тот день был очень жарким, и мы как раз выплыли в очень симпатичный омут, и я сказала, что хочу купаться, в «спасике». (С ката здорово нырять). И я нырнула в воду, а перед тем отдала Аркаше держать кольцо, а за ним огромное Солнце, и он весь в этом свете, а с воды кажется, что он будто в этом солнце, в его лучах – так необычно.

Аркадий сам всегда был необыкновенным человеком. Всегда, если вдруг зачем-то он нужен, можно набрать номер и услышать голос, который содержит в себе силу и свет и от которого тебе становится легко. Так и кажется, что через день, два увидишь Аркашу, идущего тебе на

Павленко Артем, выпускник 1996.

«Никогда еще не видел такого жизнерадостного человека как Аркаша. Может я не много с ним общался, но даже просто посмотрев на него, можно было понять, что все хорошо, пока он рядом. Видел много похожих друг на друга людей, но вряд ли встречу когда-нибудь человека похожего на Аркашу. Но как хорошо, что я все-таки был с ним знаком, другим людям не повезло так сильно, и сдается мне, в их жизни намного меньше тепла и света».

Павленко Элеонора Эдуардовна

Такие люди как Аркаша, такие светлые люди, не уходят от нас, они в нас растворяются. Пока мы живы, воспоминания о них будут нас согревать, а помнят только самых дорогих людей, таких как ваш и наш Аркаша. Немного перефразируя Б. Пастернака: «Жизнь ведь это только миг, только растворенье нас самих во всех других как бы им в даренье».

Смирнова Виктория, выпускница 1998 года.

С Аркадием я общалась мало, так как для нас 8-классников он был старшеклассником, но «особенным». Достаточно с ним «столкнуться» 1 – 2 раза, и он обязательно запомнится. Первый раз я с ним «столкнулась» на метапредмете «Задача». Была игра по этому предмету для избранных учеников из 8 (моего) и 10 (Аркашиного) классов. Надо было решить задачу про раздел земли. Долго мы все в группе маялись, но ничего не получалось. У меня даже весь интерес пропал: «Фу, думаю, какая глупая задача, и зачем ее решать?» Тут вдруг Аркадий встал и : решил ее!!! И, главное, сделал это непринужденно просто, без всякой заносчивости, улыбаясь искренне, по-простому.

Второй случай, который очень запомнился, был в УВК на «Журналистском проекте». Мы тогда все пили чай, ну и слово за слово, разболтались. Речь зашла о моем однокласснике, с которым я тогда встречалась (моем теперешнем муже). Один из ребят стал плохо говорить о нем «за спиной», да и меня обижать. Мне стало так противно, что я готова была развернуться и треснуть ему: Аркаша сидел рядом, увидел меня: и плавно перевел тему разговора в другое русло:

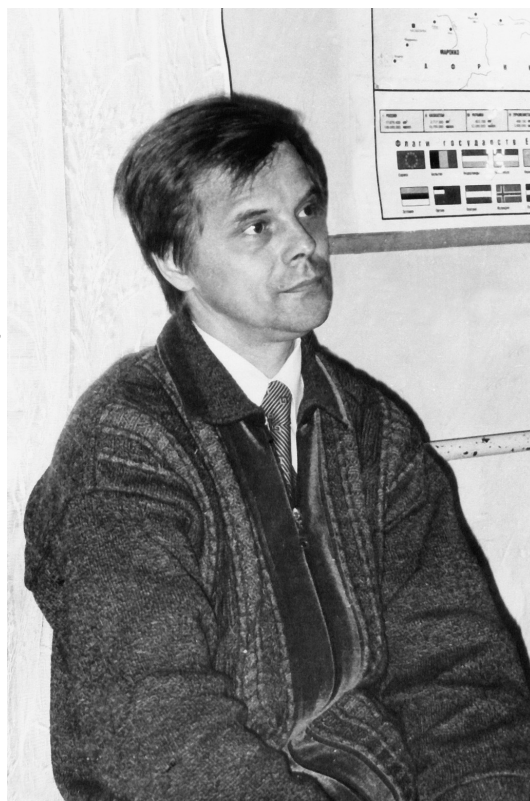
Никогда (а я встречалась с ним достаточно часто) из его уст я не слышала грубого слова, обсуждения и осуждения кого-то. В его глазах была такая доброта: Ему бы я всегда могла довериться (его улыбка была такая по-детски невинная). Жаль, что он раньше меня «выпустился» из колледжа! Я думаю, что еще бы год, и он наверняка стал бы моим близким другом (ведь у меня таких нет), а так хотелось бы!...

Семина Игорь Иванович Руководитель проект «Дидактические компьютерные игры»

Аркадий пришел в проект «Дидактические компьютерные игры» в 9 классе. Больше всего в нем поражаало стремление всегда пробовать что-то новое, будь то использование новой техники в проекте или дегустация нового напитка. На каждое заседание проекта Аркадий приходил с идеями новых игр. Его проект дидактической игры «Река», сделанный совместно с Машей Грачевой был признан одним из лучших на проектной сессии.

Аркадий любил и умел решать задачи. Во время последней нашей встречи, месяцев за семь до трагедии, я предложил Аркадию начать преподавать метапредмет «Задача». Аркадий обещал подумать над этим предложением. Из таких людей как Аркадий получаются хорошие педагоги. Но... нас все равно будет учить память об Аркадии.

Зотина Татьяна Владимировна
Учитель русского языка и литературы.

«Первое» знакомство.

Колледж... Интересные люди... Споры... Игры... Общение...

Общение не только тех, кто учится, но и тех, кто уже покинул эти стены в качестве ученика. Но они приходят и продолжают жить вместе с новым 8-ым классом, классом, который ведет их ЧИВ, и в котором учится моя дочь Галя...

Я тоже работаю в колледже. Я знаю в лицо всех ребят и общаюсь с ними. И непонятно только одно: КТО ТАКОЙ ЗАЯЦ?

Из уст дочери я все чаще и чаще слышу: «А сегодня опять Заяц приходил!» ... «А Заяц сказал...» У ЧИВ сегодня были Наташа, Заяц и я...

Да кто же он такой?!

Спрашиваю у Ирины Вячеславовны. Она, улыбаясь, отвечает: «Да вот тут пробежал недавно, неужели не видела?» Спрашиваю у Светланы Георгиевны... «Да, он часто заходит...» — отвечает она.

И никто не может понять, что я просто не знаю, кто такой — Заяц... Никому даже в голову не приходит, что его можно не знать!

Наконец Ирина Вячеславовна догадывается, в чем дело, и говорит об этом, но не со мной... И вот, спустя почти полгода, посреди коридора вдруг меня останавливает улыбающийся Аркадий и говорит:

Здравствуйте... *(пауза)*

Здравствуй, Аркаша! — отвечаю я и собираюсь пройти мимо.

Я — Заяц... *(пауза... Стоим молча...)* Вы хотели со мной познакомиться...

У меня глаза медленно ползут на лоб...

Аркадий, что с тобой? Как познакомиться? Я же тебя сто лет знаю!

Он уже не просто улыбается, он весело смеется:

Но ведь Заяц — это же я!

Теперь мы от души хохочем вместе...

Вот так и состоялось наше «первое» знакомство.

Таким он навсегда остался в памяти: веселым, добрым, лучистым...

Селезнева Татьяна Игоревна Учитель Литературы.

С Аркадием я близко знакома не была, хотя мы очень часто встречались на общих колледжских мероприятиях. Какое место он занимает в моей жизни – не задумывалась до этой осени... И тут вдруг стало понятно, что образовалась какая-то пустота... Словно у каждого из нас отняли частичку души, и мы лишились чего-то доброго и светлого.

У Аркаши была удивительная особенность: одно только его появление вызывало оживление, радость у присутствующих. Всегда такой неунывающий, жизнерадостный, весь такой солнечный! От его улыбки тепло на душе...

Я никогда не видела его мрачным, недовольным, озлобленным. Не думаю, что у него не было проблем. Но как, скажите мне, ему удавалось не терять присутствия духа, сохранять оптимизм, справляясь с трудностями так, чтобы не выплескивать негативные эмоции на друзей, знакомых? Мне кажется, вести себя так может или бесконечно добрый человек, или исключительно волевой. И то, и другое вызывает огромное уважение.

Сейчас мне кажется странным и парадоксальным то, что, хотя мы и не были с Аркашей близкими друзьями, я вдруг ощущала какое-то родство с ним. Он не был для меня посторонним человеком, хотя я не была его учителем. Мне всегда казалось, что мы знакомы очень давно.

Заметила я Аркашу еще до того, как стала работать в колледже, когда приезжала на семинары «вольным слушателем». С самого начала он покорила меня своим добродушием, умением с юмором относиться к происходящему (все проходило в жестком режиме!), а так же умением работать, напрягаться интеллектуально. Его выступления произвели на меня огромное впечатление: он показался мне человеком интересным, ярким.

В первые дни работы в колледже все было для меня непривычным: Новый коллектив, новая обстановка. В такие минуты дорога каждая приветливая улыбка, значимо каждое одобряющее слово. С самых первых дней моей работы в колледже Аркадий стал для меня человеком, к которому всегда можно обратиться с вопросом или за помощью. Никаких выдающихся событий не было, шла обычная школьная жизнь. И, тем не менее, равнодушие и искреннее участие человека значат здесь очень много.

Потом был целый год совместной колледжской жизни... «Последний звонок»... экзамены... выпускной вечер... «выпускной» поход на ст. Турист – одно из красивейших мест

Дмитровского района... Я не придавала какого-то большого значения общению с Аркадием, вернее не задумывалась об этом. Тем более, что класс Ирины Вячеславовны – «19 гениев» – вообще казался каким-то особенным, потому что здесь царила атмосфера необычайной человечности и доброты. Все хорошее воспринималось как само собой разумеющееся. Но все-таки, оказавшись по какому-либо поводу среди этих замечательных ребят, непроизвольно я всегда искала тех, кого, как мне казалось, я знаю уже сто лет. Мне хотелось быть рядом с ними. И, прежде всего, это относится к Аркаше!

Потом Аркадий стал выпускником... Но при этом остался самым что ни на есть Колледжским! И каждое его появление в колледже было для меня исключительно радостным событием: с ним по-прежнему можно было поделиться своими мыслями, посоветоваться по поводу школьных проблем, посмеяться над забавными ситуациями его студенческой жизни и нашей школьной. Человеческое тепло и сердечность – в этом для меня весь Аркаша.

Меня восхищает его способность по-настоящему дружить! Мне кажется, что он был настоящим Другом для Ирины Вячеславовны. Он постоянно был рядом, проявлял искреннюю заботу, на него она всегда могла положиться. Его сразу принял ее новый 8 класс: Аркаша как – будто и не уходил из колледжа. Вместе они ходили в походы, вместе готовились к праздникам, вместе переживали успехи и неудачи...

Как много изменений произошло в нашей жизни! И колледж уже не тот, каким он был когда-то... Но мне почему-то хочется себя обмануть и думать о том, что вот наступит 11 сентября (день рождения колледжа), вновь соберется вся колледжская семья, откроется широко дверь и войдет светловолосый юноша с добрейшей улыбкой, засмеется искренне и звонко, и у каждого из нас потеплеет на душе... И все будет, как когда-то в лучшие годы колледжа – Колледжа Дмитрия Борисовича...

Когда я думаю об Аркаше, то вновь слышу его звонкий голос, заразительный смех, вижу его очаровательную улыбку... Спасибо, милый человечек, что ты смог столько сердечного тепла подарить каждому из нас! Оно живет в наших сердцах, и будет жить всегда...

Несколько лет назад мы праздновали 1-ый раз в лесу день рождения Зайца. Вечером перед костром мы с ним сидели рядом, я что-то играла на гитаре... И Заяц попросил меня спеть песню из рок-оперы «Иисус Христос суперзвезда», которую я до этого где-то спела, и сказал, что это его любимая песня, она ему очень нравится... только он поет ее на русском языке (я пела на английском). Так мы вместе потом и пели. И бадали...

По сюжету песню поет Мария Магдалина. Я, к сожалению, не знаю русского варианта.

I don't know how to love him

*I don't know how to love him
What to do, how to move him
I've been changed, yes really changed
In these past few days, when I've seen myself
I seem like someone else...*

*I don't know how to take this
I don't see why he moves me
He's a man, he's just a man
And I've had so many men before
In very many ways... He's just one more*

*Should I bring him down,
Should I scream and shout.
Should I speak of love,
Let my feelings out?
I never thought I'd come to this,
What's it all about?*

*Don't you think it's rather funny
I should be in this position?
I'm the one who's always been
So calm so cool, no lovers fool
Running ev'ry show... He scares me so*

*Should I bring him down,
Should I scream and shout.
Should I speak of love,
Let my feelings out?
I never thought I'd come to this,
What's it all about?*

*Yet if he said he loved me
I'd be lost I'd be frightened
I couldn't cope, just couldn't cope
I'd turn my head, I'd back away
I wouldn't want to know
He scares me so,
I want him so,
I love him so...*

Алена Н.

Неправда...

*Неправда, что незаменимых нет!
Мы это в полной мере ощущаем,
Когда в тяжелый жизненный момент
Мы самых дорогих людей теряем.*

*Они уходят — меркнет белый свет...
Их не вернуть ни словом, ни слезами.
За что? Зачем? ... Лишь тишина в ответ.
И фотография стоит перед глазами...*

*Нельзя заполнить эту пустоту
Никем другим, никак и никогда.
И не унять на сердце маету,
Хоть дни проходят, месяцы, года...*

*Мы продолжаем с ними говорить
В надежде получить от них ответ...
Но не вернуть их...И не воскресить...
Неправда, что незаменимых нет!!!*

Гущин Андрей, выпускник 2000 года.

Грустно, но надо все это освежить в памяти. Начну с начала. Впервые я увидел Аркадия, когда только начал учиться в колледже, т.е. в 8 классе. Это был день рождения колледжа, он вошел к нам в класс и Ирина Вечеславна (это и его и наш куратор) очень обрадовалась увидев его, и мне показалось, что про нас она даже забыла на мгновение, но только недавно я понял (когда также как и он, уже будучи студентом, зашел в колледж на день рождения школы), что она так относится ко всем своим выпускникам (и она их и они ее очень любят). Так вот, он мне казался таким взрослым, ну в общем не нашего «круга» (потому что я до конца не понимал что такое колледж), но тут, к моему глубочайшему удивлению, он подошел к нам и с каждым поздоровался, и стал общаться со мной как с равным себе, а потом мы все вместе пошли пить чай. Так я впервые познакомился с Зайцем, да, кстати, и с колледжем. Потом наше общение проходило, когда он появлялся в колледже, типа, «привет», «как дела» и что-то в этом роде. Понастоящему мы подружились, когда пошли в поход, каким-то странным образом мы с ним шли вдвоем и разговаривали почти обо всем подряд (признаюсь идти до этого было трудно, а с Аркадием я почти не замечал пройденных километров). Он скрашивал тяжесть пути своей веселостью, оптимизмом и хорошим настроением, с которым он преодолевал не особо легкие препятствия и помогал мне преодолеть их. Такой человек никогда не бросит друга в беде. Потом у Аркадия случился день рождения, точно не помню почему, но меня он не приглашал персонально, но на днях перед мне ним позвонила куратор и сказала, что он пригласил сразу всех своих друзей, а персонально он не звонил никому, и я поехал на празднование. Скажу честно, это было просто замечательно, мы все общались и пели песни у костра всю ночь. Такое повторялось почти каждый год. После того как я закончил колледж, мы все равно встречались на разных праздниках, которые проходили в колледже. Самое странное, на последний его день рождения (который мы отметили вместе) он лично позвонил каждому, кого хотел увидеть, и мне он тоже позвонил. На праздновании действительно были самые близкие друзья. Он выглядел так, как будто ему так весело не было никогда в жизни. Он был счастлив! Таким он в моей памяти останется навсегда.

Ольга Чернина ученица 9 класса

Зайца я знаю очень давно, наверное, как себя помню. Он всегда был нашим другом. И только теперь я понимаю, что не каждому человеку мама доверила бы забирать меня из детского сада. Мне всегда нравилось, что за мной приходили не только мама или папа, как за другими детьми. За мной приезжали Дрюша, Заяц, Шурик (Саша Рябова) и Крокодил (Костя) на машине! Были иногда и другие ребята, но редко. Крокодил очень серьезный. Он молчаливый, и я его сначала побаивалась (ведь крокодилом просто так не назовут), но он мне нравился. А Заяца я сразу не боялась. Он такой добрый, такой веселый и все время рассказывал что-нибудь смешное. Я их всех звала папами. И в группе, когда дети спрашивали, кто эти люди, которые за мной приходят, я объясняла, что **они все мои папы!** У ребенка не может быть столько пап — пытались мне доказать подружки. А я их убеждала, что может! И Заяц был самым добрым. Всегда, когда я видела Заяца, он улыбался, и мне становилось тоже весело, несмотря на то, что за 5 минут до его прихода мне было грустно.

Помню, как летом мама с Ириной Евгеньевной ездили стрелять в Лефортово. Если честно, то мне было скучно с ними. Им интересно, а мне хотелось убежать куда-нибудь, но мама мне не разрешала никуда уходить. Когда приехал Заяц, я очень обрадовалась, так

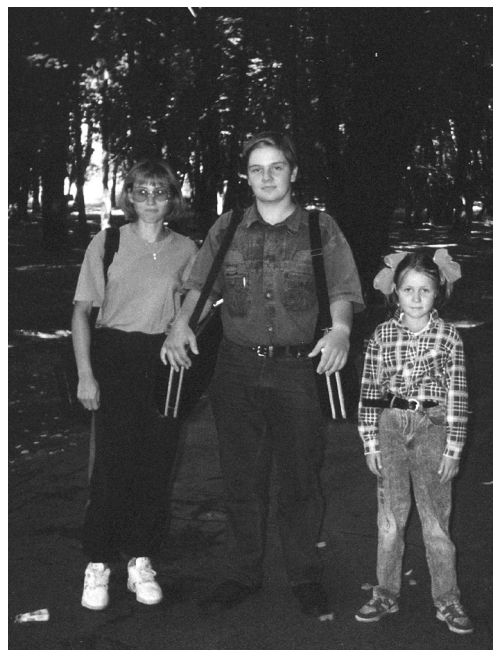
как понимала, что больше скучать мне не придется. Он рассказывал мне разные смешные истории, анекдоты, и время пробежало незаметно. В конце тренировки вдруг он просит, чтобы ему тоже дали пострелять. Я совсем было расстроилась. Думала, что теперь они все про меня забудут. Однако это было очень весело. Он так забавно комментировал свои ощущения при натягивании лука, что я от души смеялась. А потом мы все вместе поехали к нам домой. Заяц гордо нес два лука на плечах, хотя они довольно-таки тяжелые. И мама называла его оруженосцем.

Если к маме приезжали ее выпускники, то они все, как правило, разговаривали с ней. И только Заяц обяза-

тельно заглядывал в мою комнату и иногда даже играл со мной. На день рождения дедушка подарил мне большого крокодила. Я назвала его Коськой (в честь одного из своих пап), и радостно хвасталась всем проходящим. Это и правда замечательный крокодил! Когда Аркадий его увидел, он пришел в полный восторг! Мне так нравилось, как он с ним играл и смеялся, совсем как маленький. Он разевал его пасть, щелкал зубами и рычал, но было совсем не страшно, а наоборот, очень весело и интересно.

В октябре 2002 года, когда мы пошли на «Норд-Ост» большой компанией, все места были на одном ряду. Я решила сесть с Зайцем, потому что с ним всегда весело. Он уже смотрел этот спектакль и мог рассказать мне то, что непонятно. Так и получилось, что мы с мамой оказались на разных концах нашей компании. Постановка была замечательная! Такие веселые песни, танцы.

Когда в начале второго действия начали стрелять, я со страху прижалась к Аркаше и вцепилась в его руку. Он обнял меня и сказал: «Не бойся, Птичка, я с тобой, все будет хорошо». Но мне все равно было страшно, потому что я никогда раньше не слышала настоящей автоматной стрельбы. Так, обнявшись, мы сидели до тех пор, пока террористы не объявили, что готовы отпустить детей. Я не хотела уходить, спросила его: «Может мне остаться?» Но он отправил меня к маме. Я пробралась к ней, села на колени, обняла ее за шею и сказала, что не пойду, что мне страшно. Но мама каким-то строгим голосом сказала: «Иди!» и буквально вытолкнула меня. Когда я спускалась по ступеням к сцене, то заметила, что у женщин в черном были страшные глаза. Нас строем выводили из зала, и в это время в голове пронеслось: «Не бойся, Птичка, я с тобой, все будет хорошо». Нас вывели на улицу, не отдав куртки. Было холодно, но я этого не замечала. По щекам катились слезы, я думала о тех, кто остался в зале. Нас встретил милиционер, посадил в милицейский фургон, чтобы мы не замерзли. Некоторые дети плакали. Старшие пытались успокоить и как-то поддержать младших. Через какое-то время дверь машины приоткрылась, и в проеме показалась голова Вовки Хотеевкова. Я вышла к нему. Он спросил: «Кто там в зале, кроме ЧИВа?» Я всех перечислила. Он сказал, что меня с ним не отпустят, т.к. детей отдают только родственникам. Тогда Вовка стал звонить моему папе, а меня отправил в машину, чтобы я не замерзла. Через какое-то время он опять заглянул в машину и сказал, что папа выехал за мной. Вскоре приехали разные коррес-

понденты с камерами и фотоаппаратами. Один из них дал нам листок бумаги и попросил записать свои имена и фамилии, а другой в это время снимал нас на камеру. Потом пришел водитель, сел в машину и куда-то повез нас. Выгрузили нас в какой-то школе, где мы должны были дожидаться родителей. Почти за всеми уже приехали, а моего папы все не было. Наконец я его увидела и очень обрадовалась. Он обнял меня, и я чуть не расплакалась, т.к. вспомнила о маме и ребятах, **которые остались там**. После этого меня допрашивал следователь. А потом нас забрали Ирина Евгеньевна с Костей и отвезли всех домой.

Дома мы смотрели телевизор. На все уговоры идти спать я отвечала, что не смогу заснуть. Но вскоре папа все же отправил меня спать. На следующий день ко мне домой приехали Катя (моя подруга) и Сергей Леонидович. Они рассказали, что весь Колледж переживает за наших ребят и за маму. Катя меня успокаивала, а я ей рассказала, как страшно там было и как Аркаша мне сказал: «Не бойся, Птичка, я с тобой, все будет хорошо». На следующий день вместо Кати приехала Соня, чтобы как-то поддержать меня, и осталась у меня ночевать.

На следующее утро мы с Соней проснулись оттого, что Саня заглянул к нам в комнату и сообщил: «Здание взяли штурмом!» Мы побежали на кухню к телевизору смотреть новости.

Потом мы обзванивали больницы. Первой нашли маму. На душе стало немного легче. Потом нашли Андрея. И я почти успокоилась, уверенная, что вот-вот и Аркадий найдет. Я же помню, что он мне сказал: «Не бойся, Птичка, я с тобой, все будет хорошо».

На следующий день мама вернулась домой. Я очень обрадовалась, но мы все были сосре-

доточены на поисках Аркаши. Братья не отходили от телефона, кому-то отзванивали, передавая информацию. Список больниц уменьшался, но его почему-то не находили...

Я долго не могла поверить, что его больше нет... Даже когда его хоронили, не верилось, что это правда. Мне казалось, что он просто спит, **ведь он обещал, что все будет ХОРОШО...**

Этим летом мне и другим детям, бывшим в «Норд-Осте», досталась поездка в Грецию. Аркаша когда-то мне рассказывал, как он жил в Греции, когда был маленький. Ему там очень нравилось. И я часто его там вспоминала. Мне очень хотелось, чтобы он был рядом со мной, с ним обязательно было бы очень весело...

Владимир Хотеевков выпускник 2000 года.

Я не верю, что Аркадий ушел от нас!
Он всегда был с нами, есть и будет!

Помню, когда Аркаша с ребятами своего класса водили нас в поход. Наш первый поход, тогда еще маленьких и ничего непонимающих восьмиклассников. Был он одет в военную форму с огромным, как мне тогда казалось, рюкзаком. Он шел такой большой и уверенный впереди, вселяя в нас уверенность. В нас еще толком не знакомых друг с другом. Уверенности прибавлялось с каждым шагом этого большого человека! По дороге он подтолкнул заглохшую машину, шутя и весело, как умел только он! И я понял, что точно все будет здорово. Здорово и весело потому, что в его сердце хватит тепла и доброты на всех нас — и даже на незнакомых с ним, в тот момент, людей!

Его всегда было много. Много, как солнца летним днем! Его общество грело всех вокруг него. Мы грелись в его лучах! Где бы он не появился, всегда там появлялось веселье и чувство неподдельного счастья, смешанного с благодарностью судьбе за знакомство с таким солнцем как Аркадий! Мы как-то ездили на авиашоу. Так получилось, что в последний момент все отказались, и я ехал на место встречи с ощущениями испорченного праздника. Там под колонной я нашел Аркашу, читавшего книжку. Он сказал, что мы и так получим удовольствие и без кучи народу. Так и получилось... Мы провели совершенно незабываемый день, полный ярких эмоций и чувства разноцветного карнавала красок, которые были бы невозможны без этого человека, олицетворившего собой этот день!

Он очень хороший ДРУГ! Чтобы не случилось, он всегда примчится на помощь и делает все, что от него зависит для решения проблем. Причем сделает это только с присущей ему иронией, задором и настоящим азартом. Так, что даже иногда кажется, что это именно его проблема, а ни чья бы то ни было! Так умеет только он.

Он дарил нам искорки своей гигантской души. Искорки себя нам, которые попадали к нам в сердца и начинали прорастать деревом. Деревом благодарности от нас ему.

Хвесюк Анастасия,
выпускница 1996 года.

Сказка Зайца

Этот рисунок мне Заяц подарил. Он нарисовал его на обложке какого-то учебника. А мне очень драконы нравились. И ему тоже очень нравились. У нас в классе мы как-то разрисовали стену мелками. А Аркаша хотел нарисовать там дракона, но уже красками и выпилить хвостик из фанеры, чтобы свисал для натуральности. Правда, он так и не собрался за то время, пока мы там учились, а жаль.

Когда я училась на втором курсе психологического факультета МГУ, нас попросили найти себе по испытуемому, чтобы можно было учиться проводить разные методики, тесты, писать психологические портреты и т.п. Рекомендовалось взять кого-нибудь терпеливого, но не родственника. Заяц любезно согласился в этом участвовать. Он, конечно, не подозревал, во что ввязался. Почти каждые выходные я приезжала к нему, и то предлагала рисовать кружочки в течение двух часов, то решать хитрые задачи вслух (чтобы я могла записать способ мышления), то еще что-нибудь. Одно из заданий было – придумать сказку. Вот какую сказку он мне записал.

Сказка Зайца

Злая колдунья заколдовала принца.

Бедный малыш не должен был уколется. Если он уколется, то все в его королевстве уснут и будут спать до того момента, пока не придет принцесса (пешком!) и не поцелует принца.

Как и водится в сказочных рассказах все колюще режущие предметы убрали из замка.

Но все забыли про хобби одной старой старушки, которая жила в старом при старом крыле старого замка и держала у себя на огромном балконе кактусы!

И вот однажды маленький принц (лет 18) забрел на этот балкон. Светило солнце и он стал ловить на балконе бабочку. Ловил он ее долго, но вдруг увидел белые зубы черной кошки, которая тоже хотела поймать бабочку, и испугавшись упал на кактус...

... В общем все уснули...

... Они и сейчас спят...

... Они стали жуткими сонями, не будите их, им снится SONY

После нескольких часов считаний, писаний, рисований, думаний (а я еще и все записывала), совершенно одуревшие мы шли пить чай или кофе. Кофе в эстетском зайцевом доме мне подавали в маленькой фарфоровой чашечке (наверное, эпохи Династии Минь) с маленькой золотой ложечкой. Потом я смотрела альбомы великих художников или раскладывала с Зайцевой Мамой пасьянсы.

В один вечер Заяц включил компьютер и сел показывать мне WarCraft. Я никогда в своей жизни не играла в компьютерные игры (так и до сих пор остается), кроме простейших пасьянсов и префа. Однако я с удовольствием наблюдаю за теми, кто играет. Эта игра меня очаровала. Нужно было строить, управлять, создавать армии. Я сидела рядом с Зайцем и из-за Аркашиного плеча давала ему советы. В армии мы основной упор делали на драконов. Драконы нравились нам обоим с детства, как мы выяснили. Кажется, в результате моих советов, Аркадий проиграл, потому что мы напали на какой-то очень крупный замок, и там оказалось драконов раз в десять больше, и нашу армию разбили. Заяц проявил истинно мужское благородство, ни слова упрека (мол, это ты мне все под руку говорила). Сели мы за игрушку где-то в пять вечера, просидели часа два, наверное. Я решила пойти поставить чай и ехать домой. На кухне я встретила Зайцеву Маму, как-то странно на меня поглядевшую. Я спросила, сколько времени. «Уже 11», — ответила она. Куда делись еще 3 часа, для меня так и осталось загадкой. Так я познала опасность компьютерных игр — они питаются временем.

Кировский поезд

Когда мы учились в восьмом классе, то наш колледж сотрудничал с Кировским ЦДЮТ (Центр Детского и Юношеского Творчества). В процессе сотрудничества была проведены две игры. Летом, после восьмого класса мы с Зайцем вместе были на игре в Кирове. Там еще были Артем Крылов, Женя, Кирилл, и еще много кто. Жили мы на территории какого-то пионерского лагеря, там же жила кировские дети из ЦДЮТ, да

и просто пионеры на отдыхе. А взрослые жили в отдельном номере. А некоторые в гостинице (там у них был телевизор). Как требовалось по ходу игры, в первый день мы разбились на группы. Мы с Аркашей оказались в одной группе. Не помню, в чем была ее особенность, она была как-то связана с искусством. Игротехником там была аж сама Ирина Вячеславовна.

После окончания рабочего дня, мы приходили к взрослым в корпус — к Ирине Вячеславне, Сергею Леонидовичу, Ирине Геннадьевне, они поили нас чаем и выдавали сухарики. А Ирина Вячеславовна с Грачевой и Сергей Леонидович пели грустные песни. Ну, не только грустные, но преимущественно. По то, что встретились два одиночества, развели на дороге костер. Про то, что кукол дергают за нитки, на лице у них улыбки. А Аркаше, по-моему, больше всех тогда нравилась песня про медвежонка, которого цыгане украли и научили жить походной жизнью

Где-то на третий что ли день игры мы с Зайцем решили отколоться от группы. В чем-то основном мы не сходились с линией партии. Поэтому мы вдвоем образовали собственную группу. А поскольку места для заседаний у нас не было (все места уже были расписаны заранее между группами), то мы нарезали круги вокруг лагеря и разговаривали.

И Аркаша (тогда еще он только становился Зайцом с легкой руки Ирины Вячеславны) рассказывал мне про своего брата, а я ему про родителей.

По ходу работы, так сказать группы, мы собирали чернику.

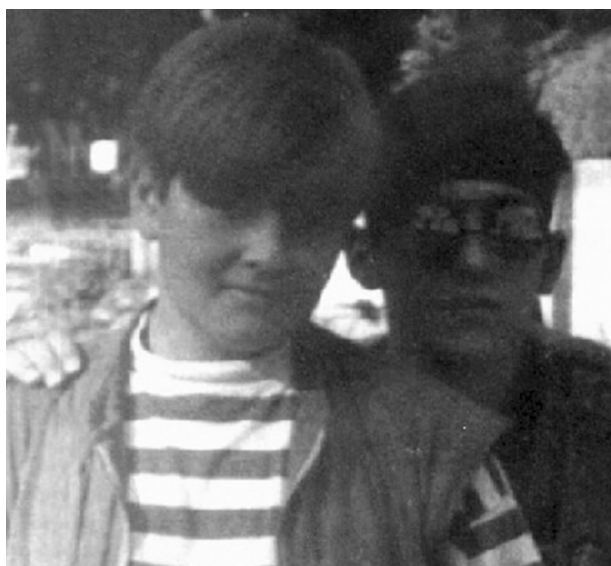
Тогда, собственно, я познакомилась толком с Аркашей. Меня удивило, что он очень на меня похож тем, что когда ему очень грустно, одиноко и несчастно, он будет прикалываться и шутить. А еще тогда я увидела, какой он беззащитный на самом деле.

Выступала на общем собрании от нашей группы я.

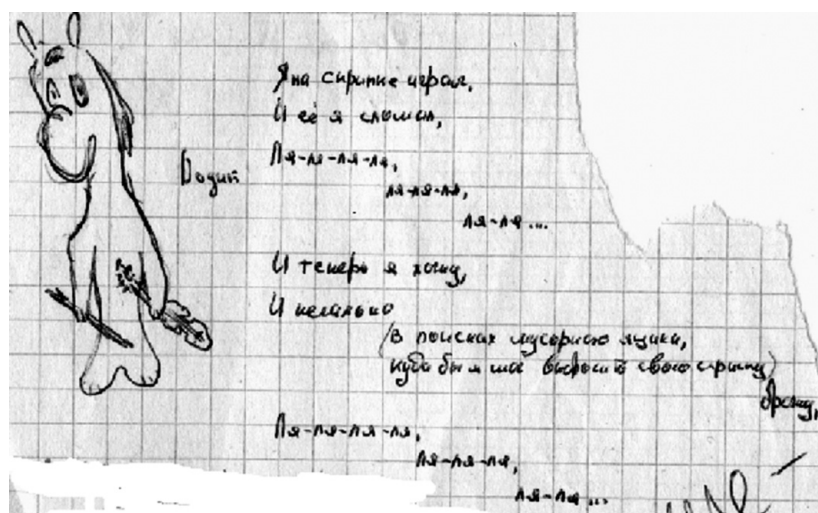
Заяц еще тогда все время ходил в такой полосатой майке и жилетке. Вот в такой:

Это Заяц и Зверу на игре под Кировом. Кажется, Зверу звали Сергеем на самом деле.

Еще у Зайца тогда интервью брали телевизионщики. Я видела, т.к. слонялась неподелуку и смотрела.

Это тоже Заяц нарисовал и мне подарил.

Додик.

Я на скрипке играл

И ее я сломал

Ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля...

И теперь я хожу

И печально (в поисках мусорного ящика, куда бы я мог выбросить свою скрипку)

брожу,

Ля-ля-ля-ля, ля-ля-ля, ля-ля...

Этот рисунок и стих мне нравится, потому что очень напоминает самого Зайца в иные моменты времени.

Тетя и Театр

Еще у Зайца была большая тетя, которая работала (а может, и сейчас работает) в театре Моссовета. И Заяц мне предлагал — давай, можно ходить в театр на халяву. И мне все очень хотелось пойти на «Иисус Христос — Суперзвезда», но почему-то никак не получалось. А вот на какой-то другой спектакль мы пошли как-то раз. Не помню, как назывался спектакль и про что он был. Но после его окончания мы пришли с Зайцом к тете. Тетя была важным человеком — все актеры должны были к ней зайти перед уходом — может, ключи сдать или еще что. И тетя им всем протягивала мою програмку и говорила: вот напишите тут для девушки, вот она в углу сидит, для нее. И все актеры, послушно, как дети в школе, смотрели на тетю, на меня и что-нибудь писали. А Аркаша стоял недалеко, поддерживал с тетей беседу и выглядел очень гордо.

Святогорский Монастырь

Когда я училась в десятом классе, то мы ездили в Святогорский Монастырь под Псковом. Была зима. Сначала мы ехали на поезде, потом на автобусе. Снег искрился как безумный вокруг светлых стен монастыря. В этом монастыре был похоронен Пушкин и его родители тоже, потому их родовое имение было неподалеку.

Церковь Святогорского монастыря – маленькая.

Почти у каждого из нас появился в монастыре свой покровитель. Это был какой-нибудь монах, который выделял тебя из толпы остальных ребят, общался, рассказывал что-нибудь. Со мной любил беседовать монах по имени Евтропий. Евтропий был человеком образованным и много повидавшим в своей жизни – он любил странствовать, переходил из одного монастыря в другой. Как-то раз, увидев, как я переписываю один, полюбившийся мне псалом, он принес псалтырь и подарил мне. А на другой год ребята ездили в монастырь летом, а я тогда не смогла поехать. И он передал для меня свою фотографию на память.

А Аркаша тоже обзавелся покровителем – монахом, которого тоже звали Аркадием. Монах был высокий, крепкий, молодой, симпатичный, в очках. Поэтому его было легко отличить от других монахов (все ведь в рясах ходят). Говорят, что он (монах) прослышал, что в группе паломников есть один отрок – его тезка, и специально познакомился с Аркашей. С этим Аркадием у нас состоялся почти философский диспут. Надо сказать, что все из нашей группы работали. Мальчики дрова кололи, девочки мыли, убирались. Так вот мыла я как-то в очередной раз полы в трапезной. Мимо проходит монах Аркадий. Остановился. Смотрит на меня. Задумался глубоко и надолго. Говорит: «А зачем же каждый день мыть полы, ведь потом они все равно быстро становятся грязными – все ходят, зима, никто обувь не снимает». А ему говорю: «А вот Вы каждый день раздеваетесь? Зачем же, раз утром все равно одеваться. Зачем зубы чистить, если они все равно испачкаются?» «Э-э-э... ну да... впрочем... хотя...» – сказал монах, – «надо эту мысль обдумать». Такой вот это был монах Аркадий, мыслитель.

Тактика

При хозяйстве монастыря жила лошадка. Лошадку звали Тактика, это была очень спокойная лошадь. Не беговая, а хозяйственная. Вокруг нее мальчики все время крутились, и Аркаша тоже, она ему очень нравилась. Кажется, на этой лошади ездили за водой. И мальчики меня позвали посмотреть на лошадь и прокатиться. Я на лошадь посмотрела, погладила, мы с ней друг другу понравились, и я решила покататься. Правда, было страшновато. Я вообще лошадей боюсь, седла нет, и я была в юбке по случаю монастыря.

Но Тактика выглядела солидно. Аркаша меня посадил на лошадь, а Вовка Черданцев вел лошадь за повод. Я всех предупредила, что пусть они водят лошадь шагом, тихонечко, и пусть все отойдут и не подходят близко, иначе я буду лягать первого попавшегося, до кого дотянусь. Сначала все шло нормально, и Вовка спокойно вел лошадь по тропинке, потом быстрее, а потом побежал, и лошадь тоже — за ним. В итоге башмаком от меня получил Аркадий. Но как всегда, на меня не рассердился.

Инопланетяне

Как-то раз мы гуляли вечером рядом с монастырем втроем с Аркашей и Темой Беликовым. Темно. Снег сверкает. Звезды крупные, низкие, ведь их ничто не заслоняет, как в городе. У Беликова был с собой чудо-фонарь. Это была такая железная байда с локоть длинной, тяжеленная и мощная по силе света — этим фонарем можно было как указкой в планетарии показывать звезды — луч фонаря дотягивался до звезды.

Мы стояли втроем, запрокинув головы, и чертили друг другу лучом фонаря по темному небу созвездия, кто какие знает. Одна звезда висела не высоко над горизонтом и очень ярко светилась, поверх плеча Зайца, который стоял напротив меня. Внезапно глаза Аркадия вспыхнули неестественно яркими точками на фоне темного неба. Он что-то говорил и улыбался. Зубы тоже блестели как-то странно в отсветах звездного света. И я вдруг ясно поняла, что Аркадий — это инопланетянин, который прилетел на Землю с той звезды. И испугалась. Отшатнулась и стала медленно отходить. Наверное, вид у меня стал дикий, и Аркаша поинтересовался, что это я так на него смотрю. Я ему сообщила, что он с другой планеты, и я его раскусила. Аркадий очень обрадовался и стал всячески изображать «друга землян». Потом еще несколько дней я от него шарахалась к некоторому смущению Зайца. Он никак не мог понять, серьезно я его побаиваюсь или прикалываюсь. А я и сама не знала.

Все это, конечно, до какой-то степени было шуткой, игрой. Но в шутке была доля правды, как и положено — этой правдой было то, что я осознала, насколько мало на самом деле, наверное, знаю его, и что мы — разные, с разных планет, и каждый — это отдельный мир. И у каждого горит в глазах свет своей далекой звезды.

Инопланетянин Кузя

Два года назад мы ездили на юг с Аркашей, Таней Ульяновой и Олегом Голубицким, братом Даши Квартальной, отдохнуть на нашем юге и заодно навестить Дашу, которая работала вожатой в пионерском лагере под Анапой. Так получилось, что мой день рождения мне предстояло встретить в этой поездке. И вот просыпаюсь я прекрасным утром. А рядом с кроватью стоит Аркадий... и из-за спины вытаскивает с хитрым видом

какое-то пушистое зелено-желтое существо с глазами и антеннкой на голове не маленьких размеров. Потом я заметила, что рюкзак Аркаши сильно похудел (а это существо было не маленькое совсем, а с большую подушку). Правда, зато мой рюкзак в свою очередь сильно увеличился. Существо, решили мы, инопланетянин, назвали его Кузя.

Пока писала все это, поняла, что Заяц для меня — это не набор качеств, черт характера, а часть моей жизни, часть меня. Это трудно записать.

Юнона и Авось

Заяц как-то дал мне послушать кассету с записью мюзикла «Юнона и Авось». Это была очень старая желтая кассета. Она и сейчас у меня, я попросила Аркашу мне ее оставить, потому что я поняла, что не могу с ней расстаться. Сколько раз я ее переслушала, даже и не знаю, она уже как будто стала «моей».

«И качнулись бессмысленной высью пара фраз долетевших оттуда — «Я тебя никогда не забуду, я тебя никогда не увижу». Это правда. Я тебя никогда не увижу, я тебя никогда не забуду, Аркадий. Ты меня многому научил, многое я прожила рядом с тобой. Нужный, приветливый, ласковый, добрый, безотказный, теплый и мягкий.

Чуличков Андрей, выпускник 1996 года.

Мой друг сидит на парте и болтает ногами... я еще не знаю, что его зовут Аркадий, что все его будут звать Заяц, что это самый мой близкий друг, это все я узнаю потом, просто сейчас первое сентября, и мы оба пришли учиться колледж.

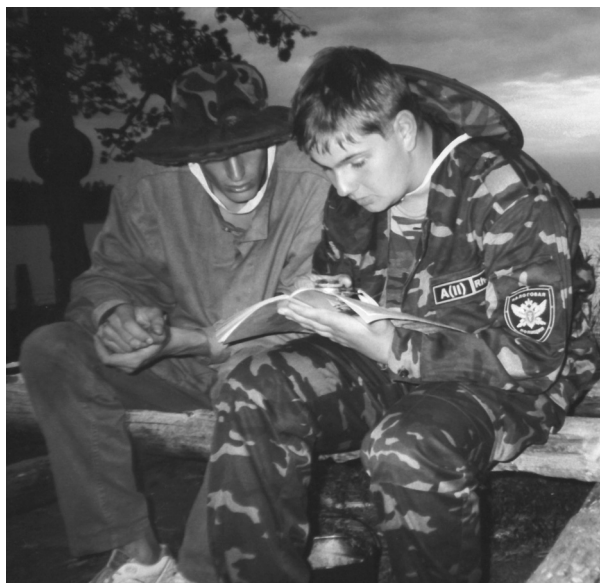
Мой друг изучает карту, смотрит на компас... мы всем классом сидим в болоте. Это наш первый поход, ДБ знает, что мог бы выбрать путь попроще, но дорогу выбирает Заяц.

Мой друг рисует... Рисует человечков, монстриков, зайцев... Ему нет дела до того, что идет семинар по пониманию лекций Громько — все равно их никто не понимает.

Мой друг рубит дрова... Он очень любит рубить дрова, он делает это для развлечения, для отдыха, для зарядки, для разрядки... Он делает это, чтобы было тепло, чтобы все могли согреться, чтобы было уютно.

Мой друг поет... Он поет громко и с удовольствием, он умеет подпевать даже те песни, слова которых не знает. Я люблю петь с ним вместе.

Мой друг открывает «Шампанское»... он не умеет это делать, мы никто не умеем открывать «Шампанское» — мы только знаем, что пробка должна вылететь, а вино, по возможности, остаться в бутылке или в бокалах, мы — выпускники: у нас выпускной вечер, нам весело.

Мой друг чинит машину... мы любим чинить машины нам нравится разбирать и собирать разные механизмы, мы всего-навсего мальчишки. В нашей компании нет ни одной машины, которую бы не чинил Заяц.

Мой друг собирает рюкзак... Он ходит в походы в большой компании, в маленькой компании, в компании близких друзей, иногда даже один. Он любит ходить пеш-

ком, на байдарке, на машине, в Подмосковье, на Кавказ, в Карелию. Мы собираемся сходить на Алтай на катамаране.

Мой друг пьет пиво... только с Зайцем мы встречаемся попить пива. Вдруг понимаешь, что давно не виделись, что есть свободный вечер, что хочется поговорить... Он сидит напротив меня с кружкой, мы разговариваем... разговор идет ни о чем — о погоде, о машинах, о работе, о походах, но на душе тепло и спокойно.

Мой друг работает... вообще-то он делает мою работу. Иногда он заходит ко мне на работу и помогает мне, когда у меня совсем завал. Ему нравится то, чем я занимаюсь, в глубине души я горжусь этим.

Мой друг смеется... он смеется легко и радостно. Он находит в интернете шутки и приколы и рассылает всем друзьям и знакомым, чтобы они тоже посмеялись. Он находит повод для шутки даже в самых тяжелых ситуациях. Я видел его и грустным, и усталым, но никогда чувство юмора не изменяет ему.

Иногда мне вспоминается картинка из какого-то нашего похода — он идет по свежеснеженному снегу прорубаясь через густые ветки, уверенно и твердо. Мы привыкли преодолевать трудности. Он погиб и мне нечего этому противопоставить.

Бочков Алексей Николаевич, куратор

Со Святыми упокой!

Хочется верить, что душа Аркашина предстоит Райским обителям. Помню, когда он впервые появился в колледже – светлый, улыбчивый, радушный. Улыбка, по-моему, не сходила с его лица, образуя на щеках трогательные ямочки. Без сомнения он как-то жил и светился своей чистотой. Ни бранного слова, ни крика, ни обиды. «Острые углы» были несвойственны характеру Аркаши. Даже его полнота как-то органично гармонировала с его добродушием.

Таким я его помню, молюсь за него и верю, что душе Аркашиной покойно и радостно. Упокой Господи, раба Твоего Аркадия. Вечная ему память.

Олег Неменский, выпускник 1996 года.

Удивительно, но Аркаша был единственным человеком в классе, с которым я несколько раз разговаривал о будущем, причем о его будущем. Во время байдарочного похода по реке Поле (после 10 класса) мы плыли вдвоем, и Аркаша делился со мной своими инженерными проектами. Например, он мечтал создать большой морской аэродром, состыковав несколько кораблей-авианосцев друг с другом. Долго рассуждал о самолетах пятого поколения, их особенностях и о том, какими будут они в шестом поколении, как их надо совершенствовать и т.д. Я ничего не понимаю в самолетах, но было интересно.

Потом, помню, уже в 11 классе, мы ехали в метро, и Аркаша мне объяснял, что хотел бы в будущем возглавлять какое-нибудь большое предприятие, руководить производством. Я тогда подумал, что в этой роли он был бы действительно успешен: работа с людьми, организация их, общение — это и правда для него.

А курсе на третьем-четвертом мы как-то гуляли вдвоем по Москве (от Китай-города через переулки, Покровский бульвар, Садовническую и до Павелецкой) и опять обсуждали нашу послестуденческую жизнь. Аркаша тогда делился своими идеями, я — своими. Он рассказывал, как должно помочь в жизни то, что он овладел основами бухгалтерии (мы еще в какое-то соответствующее учреждение зашли бумаги отдать, Аркаша его «Женским царством» назвал), и как-то нравилось нам смотреть в это будущее. И хоть мы и говорили о ситуации в России, не располагающей к оптимизму, о нашей армии, да о политике, все это было как-то вдалеке и не должно было мешать нам в наших планах. Погода была ясная, солнечная (май был, кажется) и воспоминания остались такими же.

Прошел уже год, но до сих пор не верится, что ему нельзя позвонить, что с ним нельзя встретиться. Для нас он по-прежнему жив. Когда в начале сентября 2002 года (тоже очень солнечным днем — Заяц у меня вообще ассоциируется с солнечной погодой, она ему сопутствовала), меньше чем за два месяца до теракта, мы с ним встречались в Александровском саду (Аркаша отдавал мне по-

ходный рюкзак и переживал, что, кажется, заболевает), я очень просил его собрать наш класс: мол, давно не собирались. А он удивлялся: «Олег, ну почему обязательно я? Ты ведь тоже можешь!» Я тогда попытался объяснить, что в моем представлении собиратель класса у нас — именно он. Так и остается: он и теперь нас собирает.

Наверное, всем нам, его одноклассникам, хоть раз он приснился. Хотя, уверен, не раз — но не любой сон помнишь. Мне запомнился один. Я уж позабыл, что там происходило, но с нами был Аркаша. Помню свое глупое самоощущение: вначале мне казалось это естественным, но потом я вдруг вспомнил о «Норд-Осте», удивился и подошел к нему с вопросом: «Так ты все-таки жив???» Аркаша посмотрел на меня как на идиота и уж не помню что ответил (кажется, что-то вроде «Ну как видишь!»). Я страшно обрадовался и стал думать, как же всем об этом поскорее сообщить, как вдруг оглянулся и понял, что все и так это знают, более того, никого это не удивляет. Последнее, что помню из этого сна — это моя мысль о том, что вся история с терактом — это просто какой-то мой ночной кошмар, которому я почему-то поверил, и как же глупо я наверное выглядел, подойдя с таким вопросом к Аркаше. Утром я проснулся с необычно приятным чувством. Как будто за ночь произошло что-то очень радостное, отчего на душе так хорошо. Постарался вспомнить — что, и в памяти воскрес этот сон. И через минуту стало очень горько.

Удивительно, что во время студенчества мы редко общались, а вот в тот год стали и созваниваться, и пересекаться по разным мелким делам. Я собирался еще много о чем с ним поговорить. Очень радовался, что связи со временем не слабеют, а наоборот. Вот и в поход на следующее лето хотел пойти по тому же маршруту, что и Заяц: ведь он обещал и рассказать про него, и фотографии показать. И с покупкой палатки обещал помочь: мол, какое-то хорошее место нашел. Мне много о чем еще хотелось его расспросить, а сейчас еще больше хочется. Вот он несколько раз звал меня заехать как-нибудь к нему в гости: «Что ж ты, рядом учишься, а на чай ни разу еще не заехал?» Теперь-то я очень переживаю: не все можно откладывать на потом. Ведь хотелось заехать, да все дела, дела... А не всегда мы умеем выделить главное и второстепенное. Ведь он — тот человек, которому я очень благодарен за то, что мы знакомы. И, кажется, таких как я много.